

XLV г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XLV

№ 47

Выходит еженедельно (52 № в год), с прилож. 40 кн. „Сборника“, содерж. соч. В. Г. КОРОЛЕНКО, А. Н. МАЙКОВА и ЭДМОНДА РОСТАНА, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 №№ „Новейших модь“ и 12 листов чертежей и выкроек.

1914

Выданъ 22 ноября 1914 г.

Подписная цена с дост. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цена этого №—15 к., с перес. 20 к.

Атака сибирских казаков. Рисунок И. Владимірова.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: У Казанской. Стихотвореніе Сергѣя Городецкаго. — Великая европейская война. (Хроника военныхъ дѣйствій). — Сестры. Разсказъ И. Кипренскаго. — Къ Бельгіи. Стихотвореніе Сергѣя Дурылина. — Приключенія Лизы. Разсказъ Б. П. Никонова. — Мать. Сестра. Стихотворенія Павла Орѣшника. — Ночь императора. Разсказъ Ю. В. Татищева. — Отклики войны. — Объявленія.

РИСУНКИ: Атака сибирскихъ казаковъ. — Сестра милосердія при Тверской общинѣ, Евгения Сергѣевна Митюрева. — Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію (4 рис.). — Комендантъ крѣпости Ивангорода генералъ-маіоръ А. В. Шварцъ. — Англійскій (австралійскій) крейсеръ „Сидней“. — Англійскій (австралійскій) крейсеръ „Чатамъ“. — Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ (10 рис.). — Бельгійскій блиндированный поездъ. — Французскій аэропланъ съ пулеметомъ. — Французская артиллерія, замаскированная копытами соломы. — Бельгійскій блиндированный автомобиль. — Навше въ бою (25 портр.). — Подводная война (4 рис.). — Крейсеръ „Жемчугъ“. — Германскій крейсеръ „Эмленъ“. — Пожаръ огромныхъ масляныхъ цистернъ въ Смиль (Британская Индія). — Друскеники. Уголокъ парка. Родники. — Друскеники теперь. Развалины сожженного нѣмцами курзала. — Братская могила на р. Нѣманъ. — Въ разоренной Польшѣ (2 рис.). — Въ Инстербургѣ (въ Восточной Пруссіи), занятомъ нашими войсками. — Въ разоренной Польшѣ. На могилѣ товарища. — На Галиційскомъ фронтѣ (7 рис.). — Въ штаны. — Чугунная доска съ австрійскимъ гербомъ, находившаяся на пограничномъ столбѣ и сорванная нашими войсками при вступленіи въ Галицію.

Къ этому № прилагается „Полнаго собранія сочиненій Ростана нн. 5“.

У Казанской.

У Казанской Божьей Матери
Тихо теплятся огни,
Жены, дочери и матери
Къ Ней приходятъ въ эти дни.
И швыты къ Ея подошю
Ставятъ съ жаркою мольбой:
Матерь-Дѣва, силой Божьею
Охрани ушедшихъ въ бой!
Надъ врагомъ побѣду правую
Дай защитникамъ Руси,
Дай сразиться имъ со славою
И отъ смерти ихъ спаси!
На крестѣ Твой Сынъ Единственный
За любовь Свою страдалъ,

И Его Глаголь таинственный
Къ этимъ битвамъ Русь позвалъ.
Мы воюемъ за спасеніе
Братьевъ страждущихъ славянъ,
Мы свершимъ освобожденіе
Подъяремныхъ русскихъ странъ.
Съ кѣмъ враждуетъ Русь лучшая —
Врагъ и Сына Твоего.
Дай же, Дѣва, дай, Пречистая,
Нашей силѣ торжество!
У Казанской Божьей Матери
Дивно-свѣтлы вѣчный взглядъ.
Жены, дочери и матери
Передъ Ней съ мольбой стоятъ.

Сергѣй Городецкій.

Сестра милосердія Тверской общины
Евгенія Сергѣевна Митюрева, раненая въ сраженіи подъ Гумбиненомъ.

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію.
На германской границѣ. Эйдукуненъ, разрушенный
и брошенный отступившими нѣмцами.

Великая европейская война.

(Хроника военныхъ дѣйствій).

Трехнедѣльное преслѣдованіе опрокинутой подъ Варшавой германской арміи замерло и закончилось почти около самой германской границы. Въ глубинѣ вражеской территоріи, въ районѣ крѣпости Торна, нѣмцы успѣли произвести сосредоточеніе новыхъ силъ, отчасти переброшенныхъ съ бельгійскаго театра военныхъ дѣйствій, гдѣ временно всѣ германскія атаки затихли, замѣнившись однимъ артиллерійскимъ обстрѣломъ союзническихъ позицій, отчасти же сформированныхъ изъ отступавшихъ корпусовъ, пополненныхъ новыми кадрами ландвера, ландштурма и добровольцевъ сверхъ-предѣльнаго возраста.

Собранная около Торна солидная по своимъ размѣрамъ армія ринулась на линію русскихъ войскъ и произвела новый энергичный натискъ въ пространствѣ между рѣками Вартой и Вислой по направленію къ Варшавѣ. Гонимые перешли въ наступленіе, преслѣдуемые были вынуждены въ этомъ пунктѣ остановить свое преслѣдованіе и самимъ перейти къ оборонѣ. Начинать генеральную атаку въ новомъ направленіи отъ Торна послѣ того, какъ только-что была побѣдоносно отражена съ полнымъ пораженіемъ всей многомиліон-

Наступленіе нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію. На германской границѣ.
Разрушенный вокзалъ въ Эйдукуненѣ.

Наступление наших войск в Восточную Пруссию.
Гумбиненъ.

Наступление наших войск в Восточную Пруссию. Сталупененъ.

Для того, чтобы парализовать это преимущество противников, всегда располагающих возможностью неожиданно сосредоточить в любой части фронта несколько отдельных корпусов для начала новой атаки в новом направлении, нужно всегда иметь в распоряжении в ближайшем тылу значи-

тельные по численности и размерам свободные резервы для подкрепления боевой линии в наиболее угрожаемых пунктах. Такие неожиданные удары всегда возможны, но при должной подготовке противника несколько не опасны. Под натиском сосредоточенных масс отдельных частей нашей армии иногда приходилось в течение нескольких дней и отходить, до тех пор, пока не подойдут подкрепления из ближайшего резерва и не уравновесить соотношения сил в районе, избранном для атаки, — но такой отход, при спокойном и хладнокровном ведении кампании Главнокомандующим, всегда сохраняет только частичный характер, только местное и временное значение, не будет сопровождаться потерей временно отступающими частями непосредственной связи с соседними корпусами и никогда не превратится в опасный прорыв центра боевой линии.

Именно такую картину мы наблюдали в районе нового германского наступления между Вислой и Вартой. Оно ни на минуту не остановило общего наступления русских войск и в Восточной Пруссии, где мы победоносно проходим и обходим колочия теснины Ма-

зурских озер, и на фронт Ченстоховь—Краковь, где решается судьба последней австрийской твердыни, наполовину уже обойденной русскими войсками, и в Галиции, которую мы снова очистили от австрийских войск, прогнанных за карпатские перевалы. Мы везде идем вперед твердо и неотступно к намеченной цели и только в узкой полосе между Вислой и Вартой в течение нескольких дней подались назад.

Отходя перед напорами от Торна густыми немецкими колоннами, мы уступили германцам и Кутно, и Полоцк, и ряд селений до Ленчицы, но не потеряли связи с соседними корпусами и не позволили прорвать линию нашего боевого расположения. Вместо столь желанного немцам прорыва получилась только временная вогнутость линии. Но двинутые к угрожаемым пунктам подкрепления из резерва быстро успели уравновесить наши силы с немецкими. По всей линии германского наступления произошли ожесточеннейшие бои, благоприятный для нас исход которых определился вполне ясно.

После ряда отбитых атак на север от Лодзи уже обозначился отход немцев по всей линии Стрыковь—Згержь—Шадекъ—Здунска Воля—Возники. На северо-запад от Лодзи наши войска энергичной контр-атакой сбросили наступавшего противника около Лодзи, захватив тяжелую немецкую батарею и 10 пулеметов. На линии Ленчица—Орловь подошедшие русские полки опрокинули успевших утвердиться немцев и захватили в плен два с половиною германских полка и много орудий. Очевидно, пытаясь обойти нас, часть немецкой армии сама очутилась в тисках и была вынуждена сдаться. Сдача цѣлаго германскаго корпуса говорить о полном разгромѣ немцевъ. Эта неудача тяжело отзовется для них на всемъ теченіи войны, она окончательно ликвидируетъ всю наступательную кампанію германцевъ и открываетъ собою переходъ къ оборонительной зимней кампаніи. Замѣчательно, что маневръ генерала Гинденбурга не внесъ никакого смѣненія ни въ души русскаго общества ни тѣмъ менѣе въ распоряженія нашего генеральнаго штаба. Онъ

Командантъ крѣпости Ивангорода генераль-маіоръ А. В. Шварцъ, блестяще оборонившій крѣпость и доблестно защитившій ее отъ сильнаго натиска непріятели. За геройскую оборону крѣпости А. В. Шварцъ награжденъ Георгіевскимъ оружіемъ и произведенъ въ генераль-маіоры. (См. «Отклики войны».)

ни на одинъ день не задержалъ нашего побѣдоноснаго вторженія въ Пруссію и Галицію, не затормозилъ обложенія Перемышля и Кракова, не остановилъ твердаго и увѣреннаго захожденія фланговъ.

Сравнительно съ событіями на русско-прусскомъ фронтѣ ходъ военныхъ дѣйствій въ Турціи не имѣетъ большого значенія. На берегахъ Вислы рѣшается судьба всей Европы, а на горныхъ перевалахъ къ Эрзеруму рѣшается развѣ только участь одной Турціи, притомъ же давно, въ сущности, уже предрѣшенная. Въ

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Отрядъ конныхъ курдовъ близъ нашей границы. (См. «Отказки войны»).

виду непроходимости въ зимнее время горныхъ дорогъ для осадной артиллеріи, мы не идемъ къ Эрзеруму и ограничиваемся только отраженіемъ турецкихъ атакъ и очищеніемъ занятыхъ областей отъ турецкихъ и курдскихъ шаекъ. Для того, чтобы затруднить снабженіе турецкой арміи по Черному морю, нашъ флотъ бомбардировалъ и уничтожилъ ближайшіе къ театру войны турецкіе порты. Въ смыслѣ обладанія Чернымъ моремъ большое значеніе имѣетъ побѣда, одержанная нашимъ флотомъ надъ дредноутомъ „Гебеномъ“. Около Херсонеса турецко-германскіе крейсера были неожиданно настигнуты нашими судами, приближившимися къ нимъ ночью покровомъ гу-

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Лагерь курдской конницы.

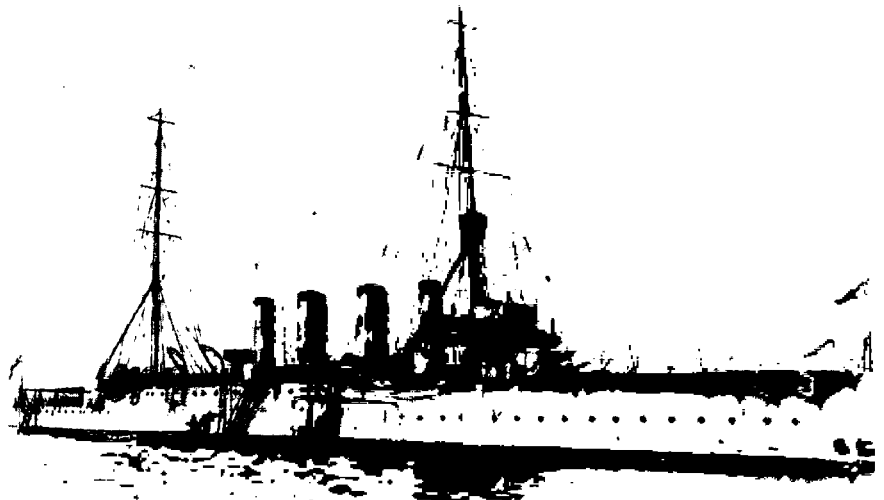
Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Турецкая иррегулярная конница. Курды въ развѣздѣ.

Война съ Турціей. На кавказско-турецкомъ фронтѣ. Вооруженные курды.

Бой «Сиднея» съ «Эмденомъ» велся на разстояніи двухъ морскихъ миль и длился полтора часа. Пользуясь преимуществомъ въ быстротѣ хода, «Сидней» держался внѣ обстрѣла четырехдюймовыхъ орудій «Эмдена» и разгромилъ его своими шестидюймовыми орудіями.

Крейсеръ «Кёнигсбергъ» на ряду съ «Эмденомъ» топилъ торговые пароходы въ Тихомъ и Индійскомъ океанахъ. Английскій крейсеръ «Чатамъ» послѣ долгихъ поисковъ обнаружилъ крейсеръ «Кёнигсбергъ» 17 октября въ 6 миляхъ вверхъ по рѣкѣ Руфійи

Английскій (австралийскій) крейсеръ „Чатамъ“, запершій въ бухтѣ Руфійи (въ Восточной Африкѣ) германскій крейсеръ „Кёнигсбергъ“.

на о. Мафія у береговъ германской Восточной Африки. Германскій крейсеръ стоялъ въ неглубокой водѣ, а экипажъ его окопался на побережьѣ рѣки. «Чатамъ» обстрѣлялъ «Кёнигсбергъ» съ моря, но вслѣдствіе густыхъ пальмовыхъ зарослей не удалось установить размѣры причиненныхъ поврежденій. Чтобы воспрепятствовать выходу германскаго крейсера изъ рѣки, въ ней были затоплены угольщики. Такимъ образомъ «Кёнигсбергъ» какъ бы арестованъ и дальнѣйшее его каперство прекращено.

Английскій (австралийскій) крейсеръ „Сидней“, уничтожившій германскій крейсеръ „Эмденъ“ въ Индійскомъ океанѣ, близъ порта Килинга.

Тортумское озеро въ Эрзерумскомъ вилайетъ.

Водопадъ на р. Тортумъ-чай въ Эрзерумскомъ вилайетъ на границѣ съ Ольтинскимъ округомъ.

Эрзерумъ. Центральная улица.

Турчанки въ Эрзерумъ.

Эрзерумскій вилайетъ. Озеро Тортумъ-чень въ Тортумскомъ ущельѣ близъ Ольтинскаго округа.

Чорохскій край. (Ущелье рѣки Арданугъ-чай близъ г. Ардануга).

Русско-турецкая война. На кавказско-турецкомъ фронтѣ.

Сестры.

Разсказъ И. Кипренскаго.

I.

Послѣ перевязки всѣ лежатъ—вся палата, въ которой насчитывается 20 кроватей. Не всѣ хотятъ этого и, можетъ-быть, не всѣмъ надо. Но такъ гребутъ строгій и неумолимый по части больничнаго порядка и добрыйшій, милыйшій и готовый на все согласиться и во всемъ уступить, во всѣхъ частныхъ случаяхъ, старшій врачъ и хирургъ Антонъ Михайловичъ Дрековъ. Таковъ заведенный имъ порядокъ.

Но лежать добросовѣстно только трое: ефрейторъ Мастакъ, казакъ Забодайло и татаринъ Кардамытовъ. У нихъ есть на это причины.

У казака, впрочемъ, причина вышняя: строгое приказаніе доктора,—а то онъ ни за что не лежалъ бы, потому что при его изумительной живости и подвижности и какомъ-то дьявольскомъ темпераментѣ это—настоящая мука. Когда его, недѣли двѣ тому назадъ, привезли сюда прямо изъ огня, онъ былъ, какъ самъ о себѣ повѣствовалъ, „весь въ дыркахъ“: у него были раны и царапины всюду—и на рукахъ, и на спинѣ, и на шеѣ, и на бедрахъ, а на лѣвой ногѣ онъ не досчитывался цѣлаго мизинца, но онъ и въ усъ себѣ не дулъ и увѣрялъ, что чувствуетъ такъ, какъ будто его „здорово покусали блохи“. Но зато и заживало все это какъ-то вонетину по-военному. Столько жизни было въ этомъ стройномъ, гибкомъ, классически сложеномъ, тѣлѣ, оно торопилось поскорѣ притти въ порядокъ, чтобы жить и дѣйствовать. И такая ужъ, должно-быть, была въ немъ здоровая кровь.

И ужъ давно былъ на ногахъ, ходилъ по всѣмъ палатамъ, перенакомился со всѣми ранеными и сестрами, мечталъ о возвращеніи въ полкъ и общалъ, что не вернется на родину раньше, чѣмъ не отпривитъ на тотъ свѣтъ собственноручно по крайней мѣрѣ сотню нѣмцевъ. Но докторъ находилъ, что послѣ перевязки ему нужно лежать дольше, чѣмъ другимъ, и онъ повиновался.

У ефрейтора была всего только одна рана въ плечевой области, но глубокая, съ поврежденіемъ костей и очень болезненная. Странно было видѣть, какъ этотъ крупный мужчина лѣтъ тридцати пяти, съ густой бородой, молодецкаго тѣлосложения, во время перевязки страдалъ и нервничалъ, какъ женщина. Иногда лицо его дѣлалось бѣлымъ, и онъ впадалъ въ обморочное состояніе. Когда же потомъ приходилъ въ себя и отдыхалъ, то говорилъ своему сосѣду, Кардамытову:

—Вотъ, братецъ ты мой, штука-то какая. Тридцать шесть часовъ стояли мы въ окопахъ и по болотамъ шлялись, залѣзали по поясъ въ грязь, и чего только не было въ сраженіи-то, и все—какъ съ гуся вода. А этого вотъ не могу: душа не терпитъ. Ей-ей, даже совѣстно доктору и сестрицамъ въ глаза смотрѣть. Ужъ прямо тебѣ хуже всякой бабы... Ей-ей...

Что касается татарина, то его дѣло было хуже всѣхъ, и ему приходилось лежать все время. Съ недѣлю тому назадъ ему отрѣзали ногу, и рана послѣ операциі заживала очень туго.

Небольшого роста, тонкокостный, узкогрудый, онъ лежалъ на спинѣ, блѣдный, поху́дѣвшій, съ бритой головой, съ узкимъ лбомъ, и съ безконечно грустными темными глазами.

Остальные лежали „черезъ силу“ только потому, что этого требовалъ порядокъ. Раны у нихъ легкія, заживали исправно и позволяли свободно расхаживать по палатѣ, заходить другъ къ другу, присаживаться, болтать, забираться и въ другія палаты, гдѣ лежали товарищи, и даже заходить въ коридоръ, чтобы взглянуть на публику съ улицы и толкотню.

Все это были люди изъ разныхъ войсковыхъ частей, и раны свои получили они въ различныхъ дѣлахъ. Словно кто-нибудь нарочно позаботился объ этомъ—они представляли тутъ всѣ концы обширной Россіи. Смуглыйшій хохоль занималъ кровать рядомъ съ блондинскимъ эстонцемъ, тутъ же поблизости помѣщался широкоплечій гигантъ, житель приуральской стороны, а около него ютился молчаливый, вялый и какой-то замороженный молдаванинъ изъ Аккермана.

Говорили они каждый на своемъ нарѣчьи, но прекрасно понимали другъ друга и чувствовали себя членами одной большой семьи.

Принесли обѣденныя порціи и поставили около каждаго на столѣ. Тѣмъ, кто нуждался въ помощи, помогали сидѣлки. Надъ кушаньями они не любили возиться долго. Они принесли сюда военную привычку ѣсть быстро, между двухъ сраженій. И такъ же быстро исчезла опустошенная столовая посуда.

Теперь начинались долгіе, тягучіе часы, которые нечѣмъ было наполнить, и можно было бы помереть отъ больничной скуки, если бы не сестры.

Утромъ онѣ давали лѣкарства, промывали и перевязывали раны. Конечно, чтѣ и говорить, спасибо имъ за это. И само собою разумеется—это главное, для того и въ лазаретъ лежишь, чтобы заживали твои раны. И никто же такъ этого не сдѣлаетъ, какъ сестра, и не какая-нибудь опредѣленная, та или другая, а всякая.

Вѣдь онѣ мѣняются—дежурятъ по очереди, а то какая-нибудь переходитъ въ другой госпиталь или уѣзжаетъ на войну, а на ея мѣсто приходитъ другая.

Но, все равно, про всѣхъ это говорится, про всѣхъ сестеръ:

у всѣхъ у нихъ нѣжныя руки и, должно-быть, чуткое сердце, которое чувствуетъ малѣйшую неловкость у больного при поворотѣ или сотрясеніи.

Можетъ-быть, что-нибудь и не совѣмъ такъ сдѣлаетъ, какъ полагается по наукѣ, и за это ихъ бранять. Но зато ужъ какъ пріятно! Фельдшеръ Чумиловъ все дѣлаетъ, какъ слѣдуетъ, это и самъ старшій врачъ Антонъ Михайловичъ призналъ и всегда, когда бываетъ что-нибудь очень серьезное и сложное, ему поручаютъ. Но руки у него точно желѣзныя, и вотъ ужъ можно сказать: чужой боли онъ не чувствуетъ. Такъ тебя поворачиваетъ во всѣ стороны, словно ты не живой человекъ, да еще прострѣленный, а полѣно.

И все-таки,—вотъ поди жъ ты, какъ странно устроены человекъ,—не за это они главнымъ образомъ цѣнятъ сестеръ. А вотъ когда наступаютъ эти часы томительнаго-скучнаго больничнаго жинья, когда все медицинское на этотъ день конечно—лѣкарства, перевязки, кому нужно—ванны, кому массажъ, а другому дѣйствіе разныхъ тамъ лучей,—много вѣдь теперь всякой всячины для больного человекъ изобрѣтено, и когда накомарили и напоили,—вотъ тутъ безъ сестеръ прямо можно пропасть.

Разговаривать другъ съ другомъ, само собою, не возбраняется, разговаривай сколько хочешь, да о чемъ? Вѣдь уже обо всемъ переговорили. Каждый разсказалъ про свою родню—и про отца и мать, и про братьевъ и сестеръ, и про жену съ дѣтьми, коли у него есть. И о боевыхъ дѣлахъ, въ которыхъ они участвовали, и о ранѣ, какъ и гдѣ получилъ, и какъ доставился въ Питеръ. Все это было уже разсказано всѣми десятки разъ и никого не интересовало, даже надоѣло.

И лежали они или сидѣли, или бродили изъ угла въ уголъ, съ скачущими лицами, не зная, куда дѣвать время, котораго такъ еще много.

Но вотъ появлялись сестры, и всѣ, точно желѣзныя стрѣлки къ магниту, поворачивали лица къ нимъ, и лица эти дѣлались веселыя, улыбающіяся, глаза свѣтлѣли.

Даже бѣдняга Кардамытовъ силился приподняться и хотя при этомъ кривился отъ боли, которую причиняла ему несуществующая уже нога, но улыбался и радостно кивалъ головой.

Какъ будто въ эту сумрачную, тягучую атмосферу безбрежной скуки и незнанія, куда дѣвать себя, вдругъ вливалась струя жизни.

II.

Сестры были разныя. Часто появлялись новыя, въ свѣжихъ халатикахъ, въ нарядныхъ бѣлыхъ косынкахъ. Онѣ являлись на перевязки—одну, другую, а потомъ исчезали. Пробовали, должно-быть, свои силы, но безъ удачи.

Бывали и настоящія, серьезныя, которыя принимались за дѣло, какъ слѣдуетъ, но ихъ переводили въ другія отдѣленія, гдѣ не хватало сестеръ или открывались новыя палаты. А то еще многія приходили сюда учиться. Это тѣ, которыя еще не были сестры, а только готовились на нихъ. Но онѣ только смотрѣли, а если и довѣряли имъ работу, то лишь самую простую и легкую.—„дѣтскую“, какъ про это говорили.

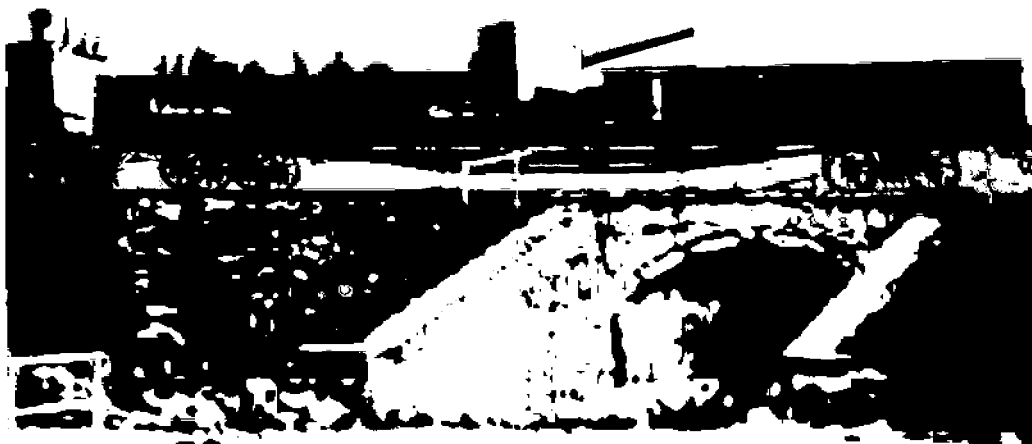
Но эти три, онѣ были неотдѣлимы отъ палаты. Казалось, удалить одну изъ нихъ—это то же, что разломать одну изъ стѣнъ зданія: оно рухнетъ. Всѣ раненыя, находившіяся въ палатѣ, духъ изъ нихъ застали уже тутъ, третья пришла позже, но быстро сдѣлалась такой же необходимой, какъ и тѣ двѣ. И онѣ, хотя и имѣли право на дежурство и отдыхъ, были въ больницѣ почти неотлучно: каждая, по соглашенію съ другими, брала себѣ для своихъ дѣлъ одинъ день въ недѣлю.

Палата состояла при огромной больницѣ, въ которой было много врачей и всякихъ медицинскихъ чиновъ и инстанцій, сложная администрація и многочисленныя службы. Но раненыя, лежавшія въ палатахъ, этого ничего не замѣчали. Имъ скорѣе могло показаться, что центромъ всей больницы были „ихъ сестры“, чтѣ все вокругъ нихъ вертится, имъ повинуются, что онѣ-то и зорочають всей больницей.

Въ дѣйствительности этого, разумѣется, не было. Сестры не обладали никакой властью и были подчинены чуть ли не всѣмъ остальнымъ. Но у нихъ, въ ихъ дѣятельности, было нѣчто такое, чтѣ заставляло такъ думать, это—настойчивость во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было отстоять что-нибудь для раненаго.

Иногда это было пустякъ, но случалось и важное. Бывали случаи, что изъ-за лишняго стакана молока или пары яицъ приходилось затѣвать цѣлую исторію. Гдѣ-то, въ какой-то канцеляріи или въ кабинетѣ управляющаго, о которыхъ раненыя не имѣли понятія, по какимъ-то высшимъ соображеніямъ, рѣшено того-то не выдавать, а тутъ какъ разъ и нужно. Больной обращается къ фельдшеру, тотъ пожимаетъ плечами: не его дѣло: къ старшему врачу—разводить руками, дескать, да, нужно, необходимо, но чтѣ же онъ можетъ подѣлать, если тамъ такъ распорядились...

И тогда—последняя инстанція: сестра. Да, ей жалуются больной, какъ послѣднему приближенцу, и она принимаетъ къ сердцу, хлопочетъ, стучится во всѣ двери, проситъ, а гдѣ это лучше дѣй-

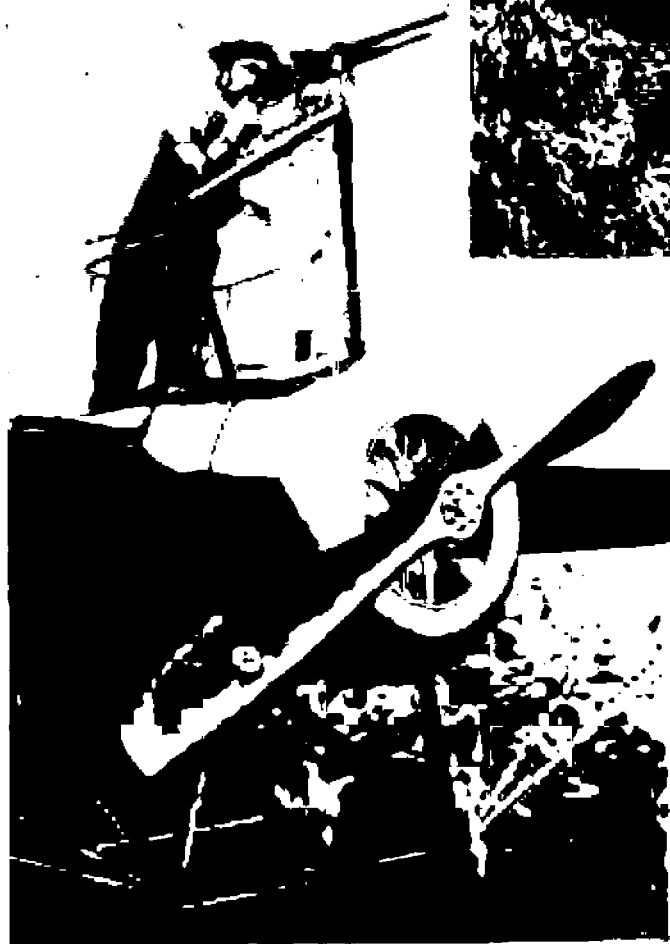
Бельгийскій блиндированный поѣздъ обстрѣливаетъ германскія войска на побережь Сѣвернаго моря.

стуеть—бранится, угрожаеть—и въ концѣ концовъ—таки добивается.

Сестра для раненаго, это—все. Когда ему предлагаютъ опасную операцию, на которую онъ можетъ и не согласиться, и предлагаетъ не кто иной, какъ старшій врачъ, извѣстнѣйшій хирургъ, самъ Антонъ Михайловичъ,—онъ смотритъ на нее и, если на лицѣ ея видить сочувствіе, ободреніе, соглашается.

Онъ знаетъ, что она подумала обо всемъ, навела справки, обсудила.

Благодаря сестрѣ, раненый чувствуетъ себя въ больницѣ, какъ дома. Когда его привозятъ, ему все чуждо, и онъ всего немного дичится. Строгія фигуры врачей и начальства удручаютъ его. У этихъ людей такъ много работы, имъ некогда возиться съ человѣкомъ. Они видятъ только рану, съ нею возятся, а лица, можетъ-быть, и не замѣчаютъ.

Французскій аэропланъ съ пулеметомъ.

Но когда около него появляется сестра, онъ быстро осваивается со всеѣмъ. Онъ чувствуетъ въ ней опору—что она вся для него, душа ея полна его интересами. Ей онъ все расскажетъ, на все пожалуется, подѣлится горемъ и мечтами.

И ужъ тогда никакихъ начальствъ для него не существуетъ. Онъ ихъ не замѣчаетъ. „Сестрица не выдастъ“.

И эти три подобрались какъ будто нарочно для того, чтобы отвѣчать на все стороны чело-вѣческой души. Онѣ были различны -- какъ только можно представить. Въ частной жизни онѣ вращались въ совершенно разныхъ слояхъ общества. По наружности, по характеру, по воспитанію, по взглядамъ—это были три рѣзко очерчен-ныхъ, ни въ чемъ не сопри-

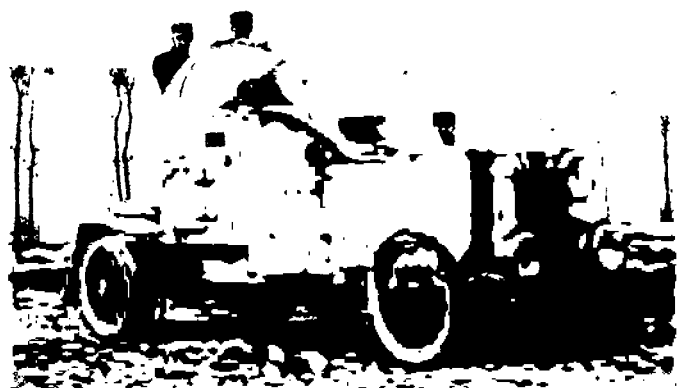
касающихся, типа. И, можетъ-быть, потому-то онѣ и дѣлали такъ хорошо общее дѣло.

Ирина Аркадьевна Кугасова, высокая стройная брюнетка дѣтъ

Французская артиллерія, замаскированная копнами соломы.

двадцати трехъ. Бѣлая косынка удивительно красиво оттеняла ея изсиня-черные густые волосы. Бѣлый больничный халатъ или передникъ придавали ея матово-смуглому лицу колоритъ печали. Но лицо это и безъ того всеѣми своими красивыми линиями выражало какое-то глубокое, какъ видно, уже пережитое и запечатлѣвшееся въ нихъ, горе.

Бельгийскій блиндированный автомобиль на франко-бельгийскоѣ границѣ.

ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ

ВЪЧНАЯ СЛАВА

Капитанъ
И. А. Крестини.

Капитанъ
И. С. Лопатто.

Подпоручикъ
В. В. Аспелундъ.

Капитанъ
Б. Д. Сохачевскій.

Капитанъ
С. И. Добрынинъ.

Капитанъ
А. Н. Поповъ.

Корнетъ
А. А. Горяиновъ.

Подпоручинъ
С. И. Симанинъ.

Штабсъ-капитанъ
И. А. Григорьевъ.

Капитанъ
С. Ф. Гончаровъ.

Прапорщикъ
Р. И. Аболингъ.

Ротмистръ
К. К. Фроммъ.

Прапорщикъ
П. П. Назаровъ.

Штабсъ-капитанъ
М. К. Поповъ.

Капитанъ
М. В. Андреевъ.

Капитанъ
В. И. Басевичъ.

Капитанъ
К. Е. Бѣлоцерковецъ.

Подпоручикъ
К. К. Семковскій.

Капитанъ
В. В. Грекъ.

Поручинъ
П. В. Вуйчъ.

Подпоручикъ
Г. Н. Базилевичъ-
Княжеховскій.

Капитанъ
И. Н. Рудановскій.

Подполковникъ
С. П. Слонѣцкій.

Штабсъ-капитанъ
В. В. Жерве.

Капитанъ
А. А. Молчановъ.

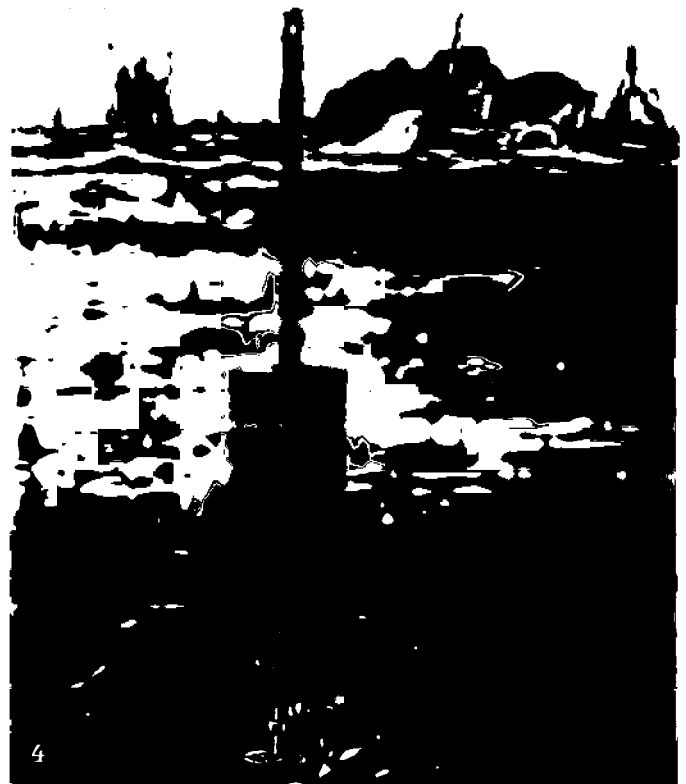
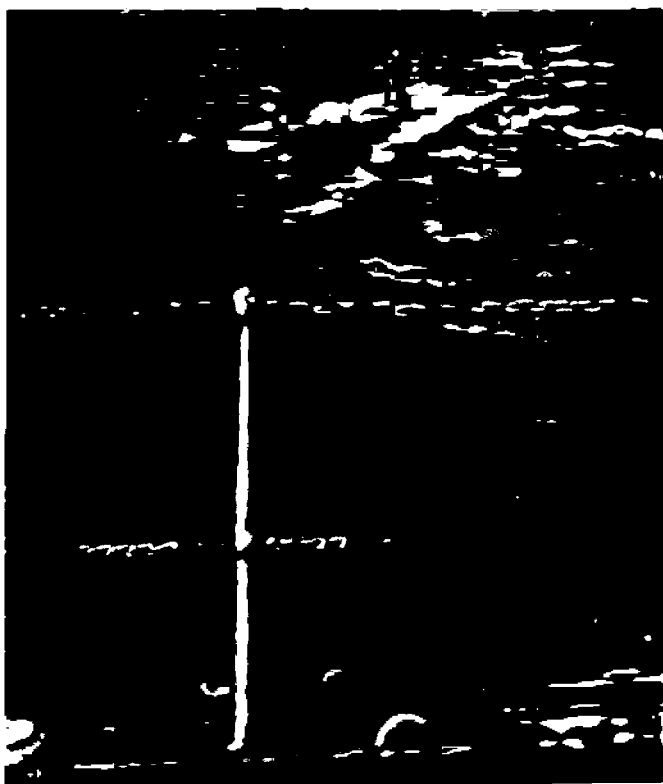
Подводная война. Роль подводных минъ въ современной морской войнѣ.

1. Траллеры, особливо приспособленныя суда для вылавливанія минъ. Для протравливанія загражденнаго минами участка моря употребляется траль, состоящій изъ двухъ диплотовъ, связанныхъ между собою линемъ. Зацѣпляя линію минъ, они вылавливаютъ ихъ наподобіе рыбачьей сѣти.

2. Выпусканіе минъ изъ подводной лодки.

3. Ходъ минъ подъ водой — свѣтлая полоса на водѣ указываетъ движеніе выпущенной минъ.

4. «Глазъ» подводной лодки — перископъ, выдающійся на поверхности моря послѣ погруженія лодки. Онъ даетъ возможность командѣ лодки посредствомъ комбинаціи оптическихъ стеколъ видѣть все происходящее на поверхности моря.

Ея сдержанная, мягкая, изящная движения, неумолимо-презренная манера держаться, выбор словъ и произношеніе ихъ— все это говорило о томъ, что надъ ея воспитаніемъ усердно работали. Это такъ и было.

Ирина Аркадьевна происходила изъ семьи, занимавшей видное положеніе въ свѣтѣ, со средствами и имѣвшей княжескій гербъ и титулъ. Семья и теперь существовала и занимала свое положеніе, и Ирина Аркадьевна жила въ ней, но сюда она вошла безъ титула, полагая, что онъ здѣсь не катитъ и ни на что не нуженъ.

Трагедія, которая запечатлѣлась въ чертахъ ея лица, была глубокимъ переживаніемъ самаго недавняго прошлаго. Еще годъ тому назадъ въ лицѣ ея сіяло счастье безъ границы. Исторія интимнаго свойства, о которой въ свое время не безъ затаеннаго злорадства говорили въ ея кругу.

Героизмъ былъ одинъ изъ тѣхъ молодыхъ львовъ, на которыхъ обращено всеобщее вниманіе, и которые являются желанными во всякой семьѣ, гдѣ есть невѣста, человекъ, награжденный всѣми внѣшними преимуществами: красотой, огромнымъ богатствомъ, великолѣпными связями, а слѣдовательно — завидной карьерой.

Вскормленный легкими нравами и податливостью очаровательныхъ женщинъ своей среды, онъ въ лицѣ этой дѣвушки столкнулся съ глубокой натурой, способной только къ глубокому чувству. Ирина Аркадьевна не понимала легкой любовной игры. Любить въ ея пониманіи значило отдать всю себя, но зато и взять всего человека. И такъ какъ при этомъ она обладала душой глубокой и богатой содержаніемъ, а къ тому же и красотой, то увлекла и его.

И былъ романъ, изумлявшій всѣхъ своей серьезностью и совершеннымъ отсутствіемъ въ немъ легкомыслія, которое придаетъ пикантность отношеніямъ мужчины къ женщинѣ. Но всѣ видѣли, что было большое счастье — оно сіяло въ глазахъ не только ея, но и его. Завидовали дѣвушкѣ, которой удалось такъ привязать къ себѣ или, какъ говорили, „покорить“ этого героя, который раньше умѣлъ только перепархивать съ цвѣтка на цвѣтокъ и въ недавнемъ прошломъ считалъ за собою столько жертвъ. Говорили о предстоящемъ бракѣ, и даже въ семьѣ Кугасовыхъ готовились къ этому.

Но произошло несчастье, котораго, впрочемъ, слѣдовало ждать. Отдала всю себя любимому человекѣ, Ирина Аркадьевна ни для чего не сдѣлала исключенія—въ дѣлѣ чувства ей была совершенно чужда осторожность. А для него это было желанное завершеніе пламенныхъ исканій, по ту сторону котораго уже нѣтъ ничего. И послѣдовало охлажденіе, равнодушіе и обычное для него уклоненіе отъ долга подъ разными благовидными предлогами.

Для нея же это была настоящая трагедія—она не умѣла взять обратно душу оттуда, куда отдала ее всю. Но свое горе она спрятала глубоко и осудила себя на вѣчное одиночество.

Но для общества это былъ блестящій поводъ для пересудовъ, неисчерпаемая тема для разговоровъ по секрету, для скверныхъ выдумокъ и для злословія. Она ничего этого не слышала, такъ какъ вся ушла въ переживаніе своего горя и никуда не выѣзжала.

Но у нея былъ братъ, старшій, только сошедшій со школьной скамьи и вступившій въ жизнь,—человекъ горячихъ, быстрыхъ и безповоротныхъ рѣшеній. До него дошли гнусные толки и намеки, онъ вызвалъ героя—настоячиво, демонстративно, нарочно оставивъ дѣло такъ, чтобы тотъ не могъ отказаться, и убилъ его.

И вотъ теперь, какъ только началась война, Ирина Аркадьевна Кугасова стала учиться уходу за ранеными, а потомъ поступила въ лазаретъ. Она, конечно, могла бы при своихъ средствахъ и связяхъ сдѣлать это эффектно, такъ что имя ея повторялось бы въ обществѣ и въ газетахъ и было бы окружено ореоломъ героизма.

Но ей это было нужно меньше всего. Она шла по внутреннему призыву. Тотъ міръ, который окружалъ ее, теперь не представлялъ для нея никакого интереса. А тотъ, что открывался передъ нею, судилъ ея обиженному сердцу такъ много поводовъ для горячій дѣятельной любви.

И онъ не обманулъ ее. Тутъ впервые послѣ катастрофы губы ея сложились въ улыбку. Когда она увидѣла людей, потерявшихъ ноги, здоровье, силы и нестерпимо страдавшихъ—не за свое личное счастье или нужду, а за родину—она поняла, какъ ничтожно было ея личное горе, и какъ мало заслуживало оно, чтобы съ нимъ возиться.

Тутъ встрѣтилась она съ Марьей Герасимовной Побѣдиной, которая своей личностью являла передъ нею цѣлый новый міръ, дотолѣ невиданный, но по наслышкѣ представлявшійся ей чѣмъ-то совсѣмъ противоположнымъ тому, что она нашла.

III.

Когда онѣ встрѣтились, и Ирина Аркадьевна случайно отъ другихъ узнала, что Побѣдина по профессіи актриса, она выпрямилась и вся насторожилась. Первое ихъ знакомство было холодное, даже почти враждебное. И вышло это такъ помимо ихъ воли, само собой.

Кугасова, всю жизнь вращающаяся въ опредѣленной средѣ и раздѣлявшая всѣ ея предрасудки, а всѣ другіе слои видѣвшая только издали, къ актерскому міру относилась подозрительно. Вѣдь это были тѣ, кого въ фешенебельныхъ гостиницахъ Сергіев-

ской улицы и Англійской набережной не принимаютъ,—тотъ міръ, гдѣ поправы всѣ условныя приличія и презираются, то, что въ ея кругу считается священнымъ, гдѣ легко прощаются и даже поощряются то, за что въ ея кругу зовутъ къ барберу и убиваютъ. Такое представленіе разъ навсегда составилось въ ея душѣ объ этомъ мірѣ.

На помощь раненымъ воннамъ, на уходъ за ними, обмываніе ихъ ранъ, облегченіе страданій она несла все свое сердце и всѣ силы. И когда она увидѣла у того же святаго дѣла женщину изъ того міра, первое слово, какое пришло ей въ голову было: „кощунство“.

Ей казалось, что женщина отсюда не можетъ быть искренна въ дѣлѣ помощи ближнему, что для нея это можетъ быть только забавой, развлеченіемъ, какъ и ея искусство, ея жизнь и все на свѣтѣ. А когда она вглядѣлась пристально въ лицо Побѣдиной и наблюдательнымъ взоромъ разглядѣла, что у нея слегка подведены глаза и чуть-чуть подчернены брови, то ей стало неприятно отъ сознанія, что предстоитъ работать вмѣстѣ съ „такой женщиной“ въ такомъ дѣлѣ.

Но она не высказала этого никому и съ новой знакомой общилась по внѣшности корректно, не отказавъ ей даже въ знакахъ любезности. Все-таки не въ этомъ же было дѣло, не это главное, зачѣмъ она сюда пришла.

Тогда лазаретъ при больницѣ еще только организовался. Ей съ Побѣдиной суждено было встрѣтить первыхъ раненыхъ и принять ихъ на свои руки. Въ предварительной работѣ, въ различныхъ притовленіяхъ онѣ сталкивались, но чисто внѣшнимъ образомъ. Тутъ не было еще ничего такого, въ чемъ могъ бы проявиться человекъ, и все это время между ними отношенія были формальныя и холодныя.

Марія Герасимовна Побѣдина сразу замѣтила, вѣрнѣе—почувствовала отрицательное отношеніе къ ней со стороны Кугасовой. И объяснила, хотя и не совсѣмъ правильно, но прямолинейно и просто: „княжна... дѣвушка съ трагическимъ лицомъ... Любая драматическая героиня ухватилась бы за это лицо, какъ за превосходный мотивъ для грима... Должно-быть, претерпѣла свѣтское разочарованіе, романтической крахъ и пришла совершать „подвигъ милосердія“... Принужденно-корректна и презрительно-любезна. Актрису, должно-быть, считаетъ исчадіемъ ада, существомъ третьяго сорта и негодуетъ на судьбу за то, что сталкиваетъ ее съ столь презрѣннымъ міромъ... Ну, и пусть... Я поставлю между собой и ею стовѣрное разстояніе“.

И поставила. И работали надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ, и притомъ такимъ, которое для обѣихъ было свято, двѣ взаимно другъ друга отталкивающія души.

Побѣдина была далеко не первая встрѣчная актриса. Въ театральномъ мірѣ это имя было одно изъ самыхъ выпуклыхъ, его тамъ знали всѣ. Она занимала прекрасное положеніе. Война и связанное съ нею закрытіе многихъ театровънисколько не коснулись ея. Она могла въ любомъ театрѣ найти для себя почетное мѣсто во всякое время.

Но какъ-то вдругъ почувствовалось ей, что она только оскорбить искусство, если въ такое время, какое тогда наступало, будетъ посвящать ему свои силы. Попробовала играть на сценѣ разъ, другой—и увидѣла, что выходитъ слабо, неискренно, принужденно. Это была игра по привычкѣ, по хорошему изученнымъ приемамъ, не больше, и это не могло удовлетворить ее. Это было то, что дѣлается по нуждѣ. Обмануть публику, заставить ее вѣрить въ искренность—не трудно. А у нея не было нужды, и обманывать она не хотѣла. А отсюда уже прямое рѣшеніе—въ лазаретъ. Она и пошла.

На сценѣ она одинаково умѣла быть изящной, тонкой, свѣтской женщиной и грубоватой мѣщанкой, въ жизни же не была ни тѣмъ ни другимъ. Театральное призваніе лежало у нея въ крови, такъ какъ она происходила изъ актерской семьи въ третьемъ поколѣніи. И, конечно, она была актриса съ ногъ до головы, со всѣми достоинствами и недостатками этого круга, и ей было въ высшей степени свойственно болѣзненно развитое самолюбіе, тонкое и чуткое къ малѣйшей попыткѣ задѣть его. И когда она подобную попытку почувствовала со стороны Кугасовой, то сейчасъ же, даже, можетъ-быть, въ преувеличенномъ видѣ, отвѣтила на нее.

Внѣшность у нея была привлекательная. Лицо, по чертамъ своимъ далекое отъ красоты, заключало въ себѣ что-то дѣтское, а умные большіе красные глаза какъ-то странно, несмотря на серьезную и грустную обстановку, всегда искрились веселостью.

Но пока, въ этотъ періодъ организаціи, когда въ больницѣ не было раненыхъ, а толпились все посторонніе дѣлу люди, эта веселость ни въ чемъ, кромѣ глазъ, не проявлялась. Марья Герасимовна проявляла дѣловитость и работала почти молча.

Она была довольно высокаго роста, но нѣсколько уступала въ этомъ отношеніи Иринѣ Аркадьевнѣ, очень худощавая и гибкая. Движенія ея отличались быстротой и ловкостью. Ей было двадцать шесть лѣтъ, но кожа лица ея была не такъ свѣжа. На ней, очевидно, оставили свой губительный отпечатокъ краски грима, кой-гдѣ на кожѣ лица были замѣтны шероховатости. Кромѣ того, многолѣтнее пребываніе на сценѣ, гдѣ она выступала еще въ дѣтскихъ роляхъ, пріучило ее къ подчеркванію тѣхъ и другихъ линий лица, и она уже не могла обходиться безъ того, чтобы не усилить темный цвѣтъ бровей, что было такъ красиво при

свѣтло-русыхъ волосахъ, не подвести глазъ, не припудрить щеки. И это было у нея не кокетство, а профессиональная привычка.

Такъ онѣ, эти двѣ женщины, готовились работать надъ однимъ дѣломъ, какъ бы отвернувшись другъ отъ друга.

Но вотъ привезли раненыхъ. Это произошло въ вечерней часъ, когда уже стемнѣло, и какъ-то такъ вышло, что встрѣтить ихъ и принять выпало на долю одной Побѣдиной съ двумя помощницами. Ирина Аркадьевна была извѣщена, но ея не оказалось дома. Она вернулась послѣ десяти часовъ и тотчасъ же помчалась въ лазаретъ.

Несмотря на ночное время, палата была непривычно оживлена. Больше половины кроватей были заняты ранеными. Большинство изъ нихъ послѣ осмотра и перевязокъ спокойно лежали подъ одеялами, отдыхая отъ утомительнаго переѣзда. Нѣкоторые чувствовали себя настолько уже сносно, что могли, приподнявшись на локтѣ, разговаривать другъ съ другомъ.

Но было нѣсколько тяжело раненыхъ, и среди говора и суеты бѣгавшихъ сидѣлокъ слышались тихіе, сдержанные стоны.

Ирина Аркадьевна обвела взоромъ палату. Ей пришла въ голову мысль: „здѣсь нѣтъ также и Побѣдиной. Неужели и ея не оказалось на мѣстѣ? Какъ же это ихъ приняли безъ главныхъ сестеръ, на которыхъ лежить вся забота? Вѣдь это было бы постыдно для нихъ обѣихъ“.

И вотъ она замѣтила около одной кровати небольшую грунну людей. Знакомая сидѣлка держала электрическую лампу съ рефлекторомъ. Яркій свѣтъ отъ лампы падалъ на изголовье и отражался на лицахъ людей. Самъ старшій врачъ Антонъ Михайловичъ въ обломъ халата стоялъ тутъ, наклонившись надъ кроватью. Рядомъ съ нимъ младшій ассистентъ съ рыжей острокопечной бородкой.

Она подошла туда, заглянула поближе. На постели лежалъ раненый. На вискѣ его была повязка, и пара женскихъ рукъ съ длинными тонкими пальцами возилась около его шеи, накладывая повязку. Большой тихо стоналъ, но лицо его было спокойное.

Кугасова на цыпочкахъ подошла съ другой стороны группы и увидѣла, что это были руки Марьи Герасимовны. Она разглядѣла также и ея лицо. Оно было все сосредоточено на работѣ. Въ глазахъ вмѣсто обычной свойственной ей веселости было глубокое, упорное вниманіе.

Ирина Аркадьевна хорошо знала искусство перевязки. Проходя курсъ, она заставила себя изучить это дѣло добросовѣстно, много упражнялась, работая въ больницѣ, и потому ей было понятно, что Побѣдина дѣлаетъ перевязку превосходно, и при этомъ ея длинные пальцы такъ мягко накладываютъ бинтъ, такъ осторожно прикасаются къ больному мѣстамъ, что раненый, повидимому, не страдаетъ и даже какъ будто чувствуетъ успокоеніе. Перевязка была доведена до конца.

— Отлично, — тихо сказалъ Антонъ Михайловичъ и прибавилъ: — женскія руки для этого созданы. И мы слишкомъ мало пользуемся ими. Теперь, голубушка, — обратился онъ къ Побѣдиной: — слѣдите за температурой, на голову кладите ледъ, а завтра ужъ поищемъ пульку. А другая сестра, Кугасова, не прибыла?

— Я здѣсь, — смущеннымъ, извиняющимся голосомъ отвѣтила Ирина Аркадьевна.

— А, вотъ и отлично. Вы, значить, будете чередоваться. Другіе раненые почти не нуждаются въ особой помощи, имъ довольно и сидѣлокъ.

Всѣ ушли. Сестры остались вдвоемъ у постели больного. На другихъ кроватяхъ, повидимому, стали засыпать.

Кугасова подошла къ Марьѣ Герасимовнѣ, которая сидѣла на краю постели, придерживая рукой мѣшокъ со льдомъ на головѣ раненаго.

— Вы устали, Марья Герасимовна. Я помогу вамъ... — сказала она.

Та подняла на нее глаза.

— Нѣтъ, я сама... Я уже приспособилась... Ахъ вотъ что, — прибавила она: — тамъ, на восьмой кровати... Эхманъ, кажется: для него заказаны капли. Поплите въ аптеку и, если готово, дайте ему тридцать капель.

Кугасова кивнула головой и отошла отъ нея. Ей не понравилась

видя сухой и почти приказательный тонъ Побѣдиной: мелькнула въ головѣ мысль, что она какъ будто беретъ на себя главенство и разыгрываетъ старшую, тогда какъ онѣ равны.

Но она вышла изъ палаты, навела справки о капляхъ для Эхмана, получила ихъ изъ аптеки и подошла къ восьмой кровати.

Эхманъ не спалъ и, повидимому, ждалъ капель. Кугасова познакомилась съ нимъ. Онъ былъ еврей, но говорилъ по-русски очень правильно и почти совсѣмъ безъ акцента. Лицо его отличалось отъ другихъ блѣдностью и прозрачностью кожи. Онъ объяснялъ, что у него рана подъ мышкой, сопровождалась сильнымъ кровонизліаніемъ. Теперь уже ничего, но сердце ослабѣло, и нервы сильно разстроились. Капли какъ разъ и предназначались для усиленія дѣятельности сердца и успокоенія нервовъ.

Въ то время, какъ она, присѣвъ на кровати, открывала капли, приготовляла воду въ стаканчикъ и наливала лѣкарство, Эхманъ, видимо, очень взволнованный, рассказывалъ ей о томъ, какъ они бѣжали въ побѣдѣ, съ какимъ нетерпѣніемъ онъ ждалъ Петрограда и вотъ этой покойной койки, приятной тишины, теплоты, чистоты и свѣта.

— Ну, вотъ, — сказала Кугасова: — теперь вы должны успокоиться. Вамъ тутъ будетъ хорошо. Всѣ ваши желанія и маленькіе капризы будутъ исполняться.

И при этомъ она подняла голову и посмотрѣла на него такимъ сочувственнымъ и полнымъ желанія успокоить его взглядомъ, что онъ дѣйствительно какъ-то вдругъ почувствовалъ, что ему стало легче дышать, и что волненіе его проходитъ.

Потомъ онъ выпилъ капли, рассказавъ Кугасовой еще что-то изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, но уже спокойнымъ голосомъ.

— Какъ хорошо, — прибавилъ онъ: — что я могу все это рассказать вамъ, хотя вижу васъ въ первый разъ... Я, можетъ-быть, говорю пустяки, а вы слушаете...

— Я для васъ — сестра, — сказала Ирина Аркадьевна: — и вы можете говорить все, какъ сестрѣ. Вамъ надо заснуть. Спите.

— Да. Благодарю васъ, сестрица. Я буду спать.

Онъ осторожно повернулся на здоровый бокъ. Кугасова встала, взглянула въ ту сторону, гдѣ былъ раненый въ шею. Побѣдина сидѣла попрежнему на краю кровати, и руки ея были вытянуты по направленію къ головѣ больного: она все придерживала мѣшокъ со льдомъ. Хотѣлось Иринѣ Аркадьевнѣ еще разъ подойти и предложить свои услуги, но представилось, какъ та опять холодно посмотреть на нее и скажетъ: „не надо“.

И она не пошла туда. Тихонько обошла всѣ занятія ранеными койки и, убѣдившись, что всѣ спятъ, и что сидѣлки на своихъ мѣстахъ, вышла и прошла въ комнату дежурныхъ.

Тамъ была младшая сестра. Она сидѣла на стулѣ и дремала. Ирина Аркадьевна отпустила ее домой. А самой ей не захотѣлось даже сѣсть. Въ душѣ ея было неспокойное чувство.

Съ одной стороны, неприятно было, что, благодаря какой-то глупой случайности, она такъ постыдно опоздала. Сколько ужъ дней она томилась по настоящей, серьезной работѣ, къ которой готова и стремилась ея душа. И вотъ Побѣдиной довелось принять первыхъ раненыхъ и нести тягости службы при трудно-больномъ.

Но она тутъ же ловила себя на томъ, что вѣдь это же своего рода зависть или ревность, которой не должно быть мѣста въ ихъ дѣятельности. Кромѣ того, какое-то внутреннее сознание говорило ей, что она не совсѣмъ справедливо отнеслась къ своей товаркѣ.

Она уже успѣла убѣдиться въ томъ, что Марья Герасимовна достаточно умна и чутка и не изъ тѣхъ людей, которыхъ можно ввести въ заблужденіе формальной любезностью, и она, конечно, почувствовала холодъ въ ея обращеніи.

И Кугасова мучила совѣсть. Вообще, она была недовольна собой. На столѣ лежала раскрытая книга, неизвѣстна кѣмъ занесенная сюда. Это былъ переводъ французскаго романа. Нужно было какъ-нибудь наполнить время, и она сѣла за столъ и пододвинула къ себѣ книгу. Оказалось, что романъ этотъ она уже читала въ подлинникъ, и ее на нѣкоторое время развлекло сравненіе перевода съ оригиналомъ. Она видѣла ошибки, неправильную передачу смысла, неловкость оборотовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Къ Бельгіи.

Преланья Эермошль и Тацита рассказы
 Рассказомъ о тебѣ замѣнимъ для дѣтей.
 Горятъ въ твоёмъ вѣнцѣ чистѣйшіе алмазы...
 То слезы тайныя скорбящихъ матерей,
 И ярокъ алый блескъ рубиновъ драгоцѣнныхъ...
 Твоихъ дѣтей святая кровь!
 Крестомъ сияющимъ побѣдъ нетлѣнныхъ
 Вѣнчается твой вѣнецъ — любовь.
 И пурпуръ твой — святая багряница:
 То пурпуръ Господа Христа.
 Не ты, о Бельгія, не только ты, царица.

Поругана, распята: пролита
 Съ твоею вмѣстѣ вновь
 Христа поруганнаго кровь.
 Приди жъ, о Господи, въ предѣлы страны крестовой,
 Приди и виждь: страданій тяжкій сѣвъ,
 Путь крестный, путь терновый,
 На мѣстѣ алтаря — постыдный хлѣвъ,
 Дѣтей поруганныхъ, разстрѣлянныхъ, нагихъ, —
 Все виждь, Всевидащій. Услышь моленіе ихъ,
 Замученныхъ и мучимыхъ: приди,
 О Праведный, и праведно суди!

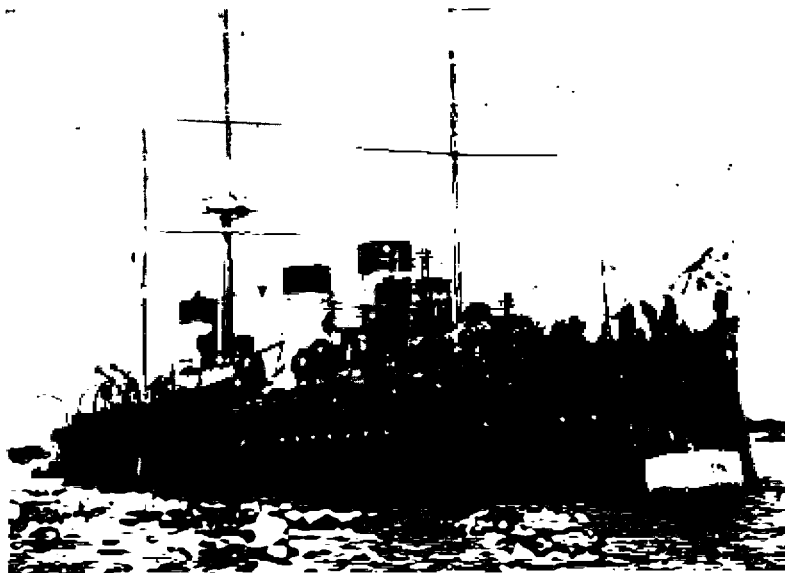
Сергій Дурьянъ.

Приключенія Лизы.

Разсказъ Б. П. Никонова.

Хуторъ „Приволье“ стоялъ у самой границы. Арендаторъ хутора, Илья Самойловичъ Ясный, съ дочкой Лизой и сыномъ Наумомъ, жилъ здѣсь уже больше девяти лѣтъ. То обстоятельство, что въ верстѣ отъ хутора была граница, а далѣе начиналась нѣмецкая земля, никого не смущало и не казалось никому страннымъ и противостественнымъ. Люди, постоянно живущіе въ глубинѣ страны, воображаютъ о границѣ и заграничѣ Богъ знаетъ что... Но тотъ, кому привелось жить вблизи чужого народа, хорошо знаетъ, что ничего особеннаго въ томъ нѣтъ. И тамъ люди, какъ люди. И земля тамъ такая же, какъ здѣсь: тѣ же дуга, тѣ же нивы и пашни. И рѣчки тамъ такія же и трава та же самая. Это то же самое, что поселились рядомъ два сосѣда и отгородились тыномъ. Одни цвѣты съ травой отошли ко мнѣ, а другіе — къ сосѣду. Но и цвѣты и трава тамъ точно такіе же. Никакой разницы.

Люди, жившіе по ту и по другую сторону границы, чувствовали себя именно такой травой, которая только случайно попала туда или сюда. Здѣшніе жители ходили къ нѣмцамъ, нѣмцы ходили сюда. Между собой они говорили по-нѣмецки, но съ русскими умѣли кой-что сказать и на русскомъ языкѣ. А здѣшніе русскіе могли при случаѣ поговорить немножко по-нѣмецки. И самъ Илья Самойловичъ, и Лиза, и Наумъ. За границу отсюда ходили часто, почти каждый день, потому что туда было

Крейсеръ „Жемчугъ“, предательски потопленный германскимъ крейсеромъ „Эмденомъ“, подошедшимъ съ фальшивой четвертой трубой подъ русскимъ флагомъ къ Пенангу и пропущеннымъ французскими сторожевыми судами къ нашему крейсеру.

Пожаръ огромныхъ масляныхъ цистернъ въ Силмѣ (Британская Индія), причиненный бомбардировкой съ германскаго крейсера „Эмденъ“.

Германскій крейсеръ „Эмденъ“, разстрѣлянный и уничтоженный въ открытомъ бою англійскимъ крейсеромъ „Сидней“. Убийца нашего крейсера „Жемчуга“ — германскій крейсеръ „Эмденъ“ послѣ трехмѣсячнаго разбойничьяго плаванія въ Тихомъ Океанѣ, погубившій на своемъ краткомъ вѣку нѣсколько десятковъ судовъ, былъ наконецъ изловленъ 27 октября англійскимъ (австралійскимъ) крейсеромъ „Сиднеемъ“ у о. Киллинга въ Кокосовомъ архипелагѣ въ Индійскомъ океанѣ (на полуостровѣ между Азіей и Австраліей), гдѣ „Эмденъ“ собирался разрушить станцію беспроволочнаго телеграфа и перерѣзать кабель. Тамъ онъ былъ настигнутъ крейсеромъ „Сиднеемъ“, который заставилъ его принять бой и, разстрѣлявъ его, пригналъ къ берегу. „Эмденъ“ сгорѣлъ. Оставшаяся въ живыхъ небольшая часть экипажа, съ командиромъ крейсера Мюллеромъ, была взята въ плѣнъ.

ближе ходить за покупками, да и дѣла были у Ильи Самойловича съ нѣмцами.

Дни шли за днями, какъ всегда. Стояло знойное, душное лѣто. Хлѣба поднялись плохо, травы погорѣли. Потомъ сразу настали холода и дожди, какъ будто осень не захотѣла ждать назначеннаго ей времени и, какъ злой врагъ, силой накинута на природу. Въ одинъ изъ такихъ холодныхъ дней братъ Лизы, Наумъ, простудился на рыбаченьѣ и слегъ въ постель.

Самого Ильи Самойловича не было дома уже два дня. Онъ уѣхалъ по дѣламъ въ уѣздный городъ. Лиза поутру принялась за хозяйственныя дѣла, но работа у нея не спорилась: ее беспокоила болѣзнь брата. Наумъ лежалъ въ жару, горѣлъ словно костеръ ночью и бредилъ.

— Ой, бѣда!—вздыхала дѣвушка. Что я стану дѣлать? И отца, какъ на грѣхъ, нѣту дома.

— Горитъ!—стоналъ въ бреду Наумъ.—Хата горитъ!

— Ой, лихо мнѣ! Какая хата?—тревожно спрашивала Лиза.

— Не, не хата. Сердце горитъ!—поправлялся Наумъ и снова начиналъ бредить.

— Надо пойти въ Прусово, къ Сѣрому Дядѣ!—рѣшила Лиза.—Ты, Наумъ, лежи пока. Я живо сбѣгаю. Онъ скажетъ, что дѣлать, и лѣкарства дастъ.

„Сѣрымъ Дядей“ прозвали аптекаря, Франца Крейсера, въ соседнемъ селѣ за то, что онъ постоянно носилъ сѣрый костюмъ. Это была самая близкая аптека—всего въ пяти верстахъ отъ хутора.

Лиза попросила стряпуху-Анну приглядѣть за больнымъ братомъ, накинута на голову косынку и налегкѣ отправилась по ту сторону пограничной межи, въ знакомое село, гдѣ жили нѣмцы.

Лиза направилась тропинкой между осокорями. Тамъ было ближе. Ее беспокоила мысль о братѣ, и хотѣлось какъ можно скорѣе добраться до аптеки Крейсера, получить лѣкарство и со всѣхъ ногъ побѣжать опять домой.

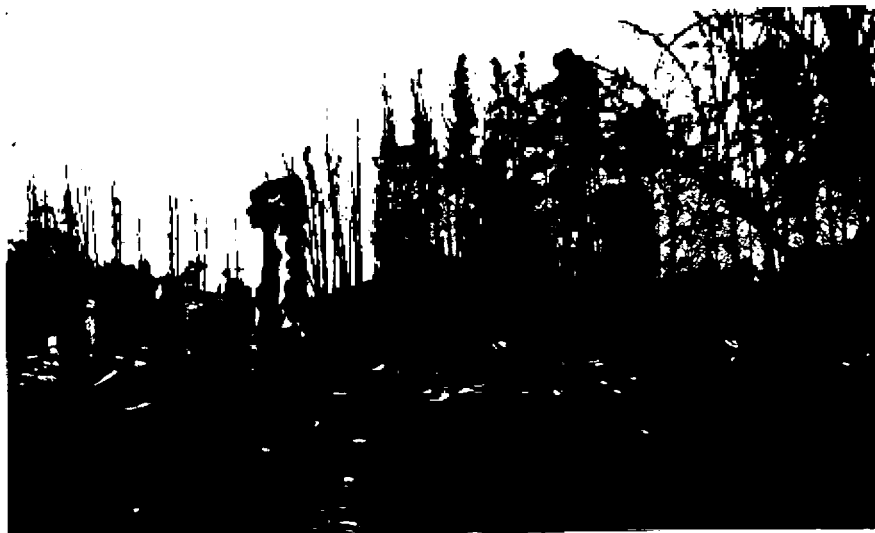
Было уже за полдень, когда Лиза миновала лѣсокъ, пересѣкла поле и вышла уже по той сторонѣ границы на знакомое шоссе. Поглощенная своими думами, она не обратила вниманія на то, что по шоссе сегодня почему-то ѣхало много возовъ, словно въ ярмарочное время, хотя до ярмарки было еще совсѣмъ далеко.

Друскеники. Уголокъ парка. Родники. Картина О. Клевера.

Вели лошадей—тоже словно на ярмарку, и нѣсколько разъ пронесли на моторахъ, поднимая густую пыль, военные.

Въ аптекѣ было много народа, и Лизѣ пришлось ждать больше получаса, пока наконецъ до нея не дошла очередь. Нѣмцы и нѣмки тараторили о чемъ-то, должно-быть, очень важномъ, но Лиза недостаточно знала нѣмецкій языкъ, чтобы понять, въ чемъ дѣло. Нѣкоторые нѣмки почему-то плакали и сердились. Лиза смогла понять только то, что у нихъ куда-то уѣзжали мужья и сыновья, и что вообще случилось что-то необыкновенное.

Друскеники теперь.
Развалины сожженнаго нѣмцами курзала.
Братская могила на р. Нѣманѣ.

Аптекарь Крейслеръ, по обыкновенію, въ сѣромъ скруткѣ и весь сѣрый, словно покрытый пылью (у него были тусклое сѣрое лицо и полусѣдые сѣрые волосы), былъ разсерженъ, кричалъ на своего помощника и стучалъ по столу склянками. Увидѣвъ знакомую Лизу, онъ сердито сказалъ ей по-русски:

— А ты чего пришла? Зачѣмъ приходишь въ такое время?

— У насъ нехорошо, — промолвила Лиза: — Наумъ боленъ. Такъ боленъ, такъ боленъ!

— А что мнѣ до Наума? — кричалъ Крейслеръ. — Вотъ скоро придутъ казаки и заберутъ мою хату... Что у тебя съ Наумомъ? Говори скорѣе!

Лиза, торопяся и волнуясь, объяснила, въ чемъ дѣло. Аптекарь нахмурилъ брови, сказалъ Лизѣ, что у Наума воспаленіе, и далъ ей коробочку съ лѣкарствомъ. Лизѣ только это и надо было, и она торопливо побѣжала обратно домой.

Вотъ и сторожевая хибарка на шоссе. Отсюда поворотъ на знакомую тропинку — туда къ канавѣ. Изъ хибарки выскочилъ сторожъ.

— Нельзя, нельзя туда! — крикнулъ онъ Лизѣ. — Не ходи!

Лиза удивилась:

— Отчего нельзя?

— Нельзя и нельзя! — еще строже крикнулъ сторожъ.

— Мнѣ надо до дому!

— Не попадешь теперь до дому. Не велѣно пускать!

— Да отчего же?

— Оттого что война!

Лиза еще болѣе удивилась. Какая война? Гдѣ она? Война — это когда солдаты скачутъ на коняхъ, какъ нарисовано на картинкѣ, и когда стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ и убиваютъ. Притомъ война всегда бываетъ гдѣ-то далеко: вонъ въ Японіи дѣйствительно была война. Туда посылали товарища Наума, Осипа Лещенко, и Осипъ сказывалъ, что тамъ, въ Японіи, въ самомъ дѣлѣ воевали, какъ пишутъ въ книжкахъ: стрѣляли — и иныхъ людей даже совсѣмъ побили. Но чтобы здѣсь, въ Яновѣ, Ковалишкахъ, Прусовѣ, была война — этого быть не можетъ! Съ какой стати?

— Бреешь, — усмѣхнувшись, сказала она сторожу.

Тотъ разсердился и махнулъ рукой:

— Ну, поди сама посмотри!

Лиза повернулась и пошла по дорогѣ, крѣпко прижимая къ груди коробочку съ лѣкарствомъ, чтобы какъ-нибудь, не дай Богъ, не обронить и не потерять. „Надо торопиться, — подумала она. — Замѣшкалась я тутъ съ глупостями, а Наумъ хвораетъ, да и отецъ, того гляди, приѣдетъ. Некому встрѣтить отца... Разсердится“...

Лиза прибавила шагу, кутаясь въ косынку отъ пронизывающаго вѣтра. Вѣтеръ все усиливался, словно сердясь на кого-то. Онъ дулъ изъ Россіи сюда, въ нѣмечину. Лизѣ казалось, что онъ тоже не пускаетъ ее домой и что-то сердито шепчетъ ей въ уши...

За нѣсколько сажень до поворота съ большой дороги на тропинку изъ-за придорожныхъ деревьевъ вдругъ выскочили солдаты на коняхъ. А между ними шло пѣшкомъ нѣсколько человѣкъ. Шли они съ растеряннымъ видомъ, понуривъ головы, а солдаты подгоняли ихъ, толкая ружейными прикладами.

И не успѣла Лиза ахнуть, какъ солдаты закричали ей по-нѣмецки: „Стой!“ И когда она въ смущеніи остановилась, солдатъ толкнулъ ее и заставилъ присоединиться къ толпѣ.

— Мнѣ надо до дому! — взмолилась она. — Пустите, ради Бога, у меня братъ боленъ!

— Маршъ! — крикнулъ солдатъ. И толпа потащила Лизу за собой, а кони затоптали тяжелыми копытами по пыльной дорогѣ.

Въ толпѣ людей, сжатыхъ между конями, были все русскіе. Многихъ Лиза знала: тутъ былъ маляръ Тарасевичъ изъ соседняго хутора, часто приходившій работать къ Ильѣ Самойловичу, потомъ былъ здѣсь больной и блѣдный сапожникъ Ицка Европа изъ Янова, затѣмъ вдова Самосудиха изъ Ковалишекъ. Лиза подошла къ нимъ поближе и стала разспрашивать, куда ведутъ ихъ солдаты.

— Охъ, ничегошеньки не знаю, — плакала Самосудиха. — Шла я до дому, а меня у самаго столба поймали. „Ступай, говорятъ, опять къ нѣмцу! Война началась“. А какая она такая война? Ой, лихо мнѣ!

— Какой лысый чортъ, прости мнѣ, Боже, черное слово, придумалъ войну? — спрашивалъ Тарасевичъ. — Честное слово, то нѣмцы, придумали, чтобы бѣдныхъ людей грабить. У насъ, въ Россіи, никакой войны нѣту. Разрази меня Богъ, если это неправда! Гдѣ это видано: ходилъ я сегодня въ нѣмецкую Раду повидать свояка. Ну, повидалъ свояка и пошелъ обратно. Анъ, меня и схватили. Война! А покажите мнѣ эту войну! Если вы честные люди, такъ скажите мнѣ, гдѣ она? Кто ее видалъ?

Такъ же недоумѣвали и задавали такіе же вопросы другъ другу и остальные люди. Иные осторожно спрашивали солдатъ, но солдаты молчали, словно каменные, и вели ихъ все дальше и дальше. Ужъ давно миновали и Прусово, и Раду, и еще два-три нѣмецкихъ села съ высокими кирками и красными крышами домовъ. И пришли въ такія мѣста, гдѣ Лиза еще ни разу въ жизни не бывала. Она вначалѣ считала дорожные столбы, чтобы хоть знать, сколько верстъ прошли, но потомъ и счетъ потеряла. Хуторъ „Приволье“ и село Ковалишки становились все дальше

и дальше, и когда Лиза вспоминала, что дома ее ждетъ больной Наумъ, то у нея на глаза выступали слезы тоски и досады.

У Лизы уже ныли ноги отъ усталости. Но вотъ бѣлѣвшее шоссе завернуло къ желѣзнодорожному пути, и плѣнники перешли черезъ рельсы. Одинъ изъ солдатъ вдругъ словно проснувшись, показалъ на станцію и ломанымъ русскимъ языкомъ промолвилъ:

— Туда приходилъ. Тамъ русска поѣхалъ на машина.

Другой солдатъ прибавилъ:

— Тамъ русска будутъ стрѣлить.

И грубо захохоталъ, словно заколачивалъ пустую бочку. Кое-кто въ толпѣ испугался и заплакалъ. Лиза поняла, что солдаты шутить, однако и у нея сжалось сердце.

— А что, будьте такіе добренькіе, скажите, — обратилась она къ Тарасевичу: — далеко отсюда будетъ нашъ хуторъ?

— Вашъ хуторъ? Э, спрашиваетъ тоже! Ужъ какой тамъ хуторъ!

На станціи плѣнниковъ отвели въ темный пакгаузъ и заперли на ключъ. Къ удивленію Лизы, тамъ уже были другіе плѣнники, и тоже все русскіе, но только изъ какихъ-то другихъ мѣстъ. Всѣ были напуганы и растеряны и говорили шопотомъ. И никто не зналъ, что съ ними будетъ дальше. Многие плакали. Плакала и Лиза. Она такъ и не могла ни у кого допытаться, чѣмъ все это кончится, и когда же наконецъ она получитъ свободу и принесетъ Науму лѣкарство...

Когда наступила ночь, пакгаузъ отперли и плѣнниковъ вывели на платформу. Тамъ стоялъ товарный поѣздъ, состоявшій изъ открытыхъ вагоновъ. Нѣмцы грубо потащили русскихъ людей къ поѣзду и велѣли садиться въ вагоны. Паровозъ хрипло свистнулъ, и поѣздъ съ грохотомъ и визгомъ тронулся.

Лиза робко спрашивала у своихъ сосѣдей:

— Куда мы ѣдемъ?

Ицка Европа ничего не отвѣчалъ и вообще ни съ кѣмъ не говорилъ. Онъ словно помѣшался: смотрѣлъ неподвижными глазами въ одну точку, не шевелился и не цснималъ, что ему говорили. Самосудиха безпрестанно плакала и стонала. Другіе тоже плакали и вздыхали и говорили: „Ой, что съ нами будетъ?“ Тарасевичъ бранился.

— Куда насъ везутъ? — бормоталъ онъ. — Спроси у машины. Она тебѣ скажетъ лучше, чѣмъ нѣмцы. Выдумали тамъ какую-то войну и везутъ, а и сами не знаютъ, куда везутъ... Захотѣли обидѣть бѣдныхъ людей и обижаютъ!

— Холодно! — жаловалась Лиза.

Сильный холодный вѣтеръ еще болѣе усиливался отъ движенія поѣзда и пронизывалъ Лизу. У нея не было никакой защиты отъ холода, кромѣ маленькой косынки. Она ничего не взяла съ собой изъ теплой одежды, потому что рассчитывала еще до вечера вернуться домой.

— Ты ложись прямо на полъ, — посоветовали ей: — лежать теплѣе.

Она легла на грязныя доски. Песокъ набивался ей въ глаза, уши, носъ. Бѣдая известковая пыль щипала глаза. А на душѣ было смутно и нехорошо. Поѣздъ грохоталъ въ темнотѣ и куда-то мчался, далеко въ сторону отъ родныхъ мѣстъ. Иногда мелькали огоньки. Огоньки свѣтили такъ же, какъ и въ родныхъ мѣстахъ, но въ нихъ Лизѣ все-таки чужалось что-то чужое и страшное. А въ стукѣ колесъ и въ визгѣ рельсовъ, по которымъ мчался поѣздъ, звучали какіе-то чужіе и страшные голоса.

Временами усталость брала свое, и Лиза впадала въ тяжелую дремоту. И видѣла около себя отца и брата, и радовалась, и въ то же время почему-то тревожилась за нихъ. И торопливо искала лѣкарство, чтобы отдать Науму, но лѣкарство терялось... Лиза никакъ не могла найти его и плакала отъ досады и тоски. Затѣмъ она внезапно просыпалась и понимала, что все это просто мерещилось во снѣ. Лѣкарство было съ нею: она нащупывала коробочку. Но зато ни отца ни брата не было, и слезы подступали ей къ горлу.

Поѣздъ останавливался на какихъ-то невѣдомыхъ станціяхъ и стоялъ подолгу. Паровозъ отбѣгалъ въ сторону, катился по другимъ путямъ, пробѣгалъ съ оглушительнымъ свистомъ мимо поѣзда и сотрясалъ вагоны своей страшной тяжестью, подъ которой стонала земля.

Потомъ около поѣзда оказался другой поѣздъ, биткомъ набитый нѣмецкими солдатами. Солдаты выѣшивались изъ оконъ и дверей, кричали, пѣли нестройными голосами пѣсни. Они были пьяны, и Лиза прижималась къ стѣнкѣ, чтобы они какъ-нибудь не увидѣли и не обидѣли ее. Поѣздъ съ солдатами, впрочемъ, скоро двинулся, проплылъ, сотрясаясь, мимо и исчезъ въ темнотѣ. И тамъ, гдѣ онъ передъ этимъ стоялъ, показалась темная фигура съ фонарикомъ, и послышалась знакомая Лизѣ полу-польская, полу-русская рѣчь. Лиза обрадовалась, выглянула изъ вагона и спросила:

— А будьте такіе добренькіе, скажите, далеко ли хуторъ „Приволье“?

— Не вѣмъ! — отвѣтилъ человѣкъ съ фонарикомъ и махнулъ рукой, точно его спросили Богъ знаетъ какую глупость.

— А село Ковалишки далеко отсюда?

— Не вѣмъ! — повторилъ человѣкъ и отошелъ въ сторону. Лизѣ стало еще грустнѣе. Здѣсь не знали даже, что такое Ковалишки. Куда же наконецъ привезъ ее и ея спутниковъ безжалостный нѣмецкій паровозъ?

Рано утром, послѣ мучительной ночи, поѣздъ пришелъ на какую-то большую станцію. Лиза съ тяжелой головой, словно въ мутномъ снѣ, видѣла множество вагоновъ— снова съ солдатами, безконечные поѣзда, груженные какими-то машинами въ чехлахъ, видѣла вагоны съ лошадьми... Солдаты были и на платформахъ и вездѣ, куда ни поглядишь...

Лизу и ея спутниковъ стали выгонять изъ вагоновъ. Куда прѣхали? Чтѣ здѣсь было такое?— ничего этого Лиза не знала. И никто не зналъ ничего. Опять ихъ окружили молчаливые и тупые, двигавшіеся, точно заведенная машина, нѣмецкіе солдаты и куда-то повели. Лиза старательно прятала за вѣтную коробочку съ лѣкарствомъ. Долго шли по рельсамъ, какими-то обходными путями, мимо пакгаузовъ, казармъ и станціонныхъ зданій и наконецъ привели въ какой-то подвалъ и съ ругательствами втокнули туда всѣхъ.

Въ этомъ громадномъ и подутемномъ подвалѣ, освѣщавшемся лишь матовыми толстыми стеклами въ

Въ разоренной Польшѣ. Среди развалинъ Калиша.

потолкѣ, уже была новая компанія русскихъ. Во всѣхъ углахъ сидѣли прямо на грязномъ полу мужчины, женщины и дѣти. Здѣсь былъ всякій народъ: и простые люди, и господа, и рабочіе въ потертыхъ пиджакахъ и косовороткахъ, и барыни въ шляпкахъ съ перьями. Дѣтей было очень много. Дѣти плакали и просили пить и ѣсть.

Лиза опустилась на полъ рядомъ съ какой-то дамой съ маленькой дѣвочкой. Дама показала ей попросить и подобрѣе другихъ, и Лиза робко завела съ нею разговоръ.

— Далекое ли село Ковалишки? — спросила она.

Дама вздохнула:

— Не знаю, милая, никакихъ Ковалишекъ. Я сама изъ Кіева. Жили мы у нѣмцевъ спокойно, лѣчились на водахъ, да вдругъ и разразилась эта война. Никто

ничего не ожидалъ, побѣжали всѣ, сломя голову. Да, говорятъ, теперь и поѣздовъ въ Россію совсѣмъ не даютъ. А нѣмцы такіе грубые сдѣлались, просто ужасъ!

Другіе господа и дамы стали въ одинъ голосъ бранить нѣмцевъ. Рассказывали, что на станціяхъ нельзя было достать ни ѣды ни питья. Говорили, что нѣмцы насмѣхаются надъ русскими и даже бьютъ ихъ.

А гдѣ же мы теперь-то? — спросила Лиза.

Кіевская дама назвала какое-то мудреное имя. Лиза все равно не поняла, далеко ли это отъ Россіи. Но кого она здѣсь ни спрашивала, далеко ли отсюда Ковалишки и Яново, никто не зналъ такихъ селъ, не зналъ никто также и Прусева, точно эти села были гдѣ-то совсѣмъ въ иномъ мѣрѣ, а не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жила Лиза.

Къ вечеру въ подвалъ заглянули нѣмцы—толстые, съ торчащими усами, затянутые въ мундиры, гордые и прямые, какъ жерди. Всѣхъ русскихъ выстроили словно солдатъ въ ряды, стали спрашивать паспорта и ругались. Потомъ старшій нѣмецъ махнулъ рукой и ушелъ, а другіе скомандовали что-то, и русскіе потянулись съ узлами и чемоданами изъ подвала опять на свѣтъ Божій.

— Чтѣ же теперь съ нами будетъ? — спросила Лиза.

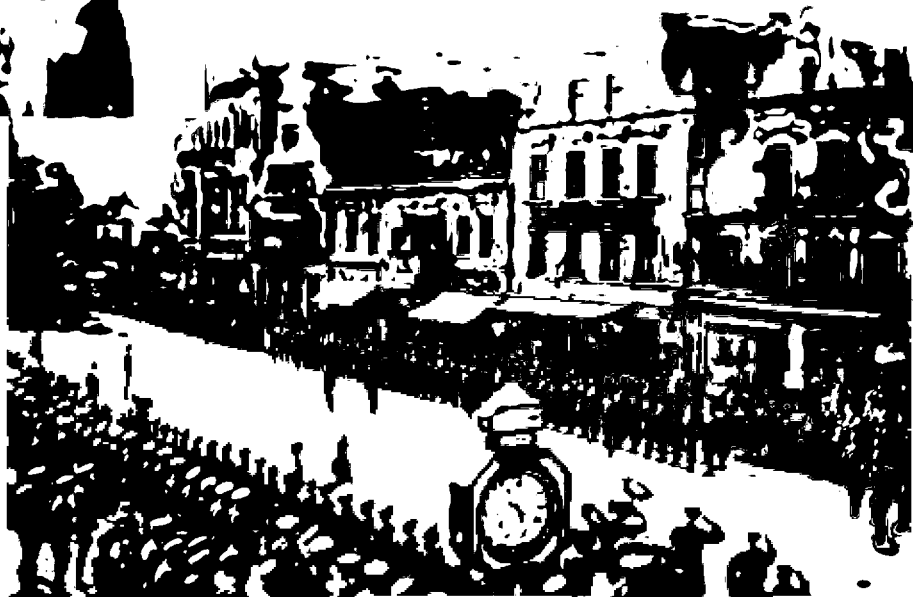
Тарасевичъ очутился около Лизы. Скуластый, съ почертившимъ отъ пыли лицомъ, съ растрепанной бородой, онъ шелъ, переваливаясь съ ноги на ногу, и сердито говорилъ:

— Спрашивалъ я русскаго господина... Говорить, нѣмцы насъ къ себѣ повезутъ. На черную работу поставятъ — картошку копать. И пановъ и простыхъ людей, безъ разбору. Нѣтъ, ужъ это извините! Не желаю я на нѣмцевъ работать!

Лиза молчала, крѣпко прижимая коробочку, чтобы не потерять. Тарасевичъ продолжалъ:

— Смотри, чтѣ дѣлается: сколько народу православнаго забрали! Сказываютъ, тутъ между людьми есть великіе паны. Видно, конецъ свѣта пришелъ. Ловкачи нѣмцы! Хотятъ всѣхъ въ батраки вернуть! Нѣтъ, это ужъ дудки! Ужъ больно жирно будетъ такую громаду русскихъ людей забирать!

Ицца Европа плелась тоже рядомъ съ Лизой, еле переступая кривыми больными ногами. Онъ все молчалъ, какъ неживой, и глаза у него глядѣли, какъ у неживого. Лиза замолвила ему ласковое словечко. Онъ только застоналъ въ отвѣтъ и заговорилъ

Въ Инстербургѣ (въ Восточной Пруссіи), занятомъ нашими войсками. Парадъ войскамъ.

что-то совсем непонятное—тихое и печальное, точно ручей за- журчалъ.

Русских привели на железнодорожную платформу и велѣли тутъ дожидаться поѣзда... И долго стояли русскіе путники подъ открытымъ небомъ: поѣзда все не было. Пошелъ дождь, укрыться было негдѣ. Дѣти прятались подъ плаще къ матерямъ. У кого были зонты, отдали больнымъ и слабымъ. Лиза едва держалась на ногахъ отъ усталости и голода. Она со вчерашняго утра ничего не ѣла. Но нечего было и думать достать здѣсь какую-нибудь еду...

Наконецъ подползъ, какъ длинная змѣя, громающій поѣздъ. И почти весь поѣздъ уже былъ полонъ пассажировъ. Толпа хлынула въ вагоны словно на приступъ. Въ давкъ матери теряли дѣтей, женщины кричали, падали въ обморокъ, и толпа несла ихъ на своихъ плечахъ, не давая опуститься на землю. Лиза, стиснутая въ толпѣ, на смерть перевуганная, горько плакала, не зная, что съ нею теперь будетъ. За нее уцѣпилась маленькая дѣвочка, дочка кievской дамы, и тоже рыдала: она потеряла мать. А нѣмецкіе офицеры и солдаты кричали езади:

— Скорѣе садитесь! Скорѣе! Не то будемъ стрѣлять!

Солдаты безцеремонно подталкивали толпу обезумѣвшихъ отъ отчаянія людей ружейными прикладами. Лиза отъ ужаса теряла сознание. У нея все помутилось въ головѣ. Какъ сонъ, припоминала она потомъ, что какой-то добрый человекъ изъ вагона сжался надъ нею, протянулъ ей изъ окна руки и протаскилъ ее черезъ окно внутрь вагона. За нею такимъ же способомъ втащили и кievскую дѣвочку. Мать у нея такъ и не отыскалась.

Несмотря на то, что русскихъ такъ торопили садиться въ вагонъ, поѣздъ еще долго стоялъ на мѣстѣ. Опять мимо него проходили поѣзда съ солдатами... Лизѣ казалось, что весь міръ кругомъ полонъ этими солдатами.

А поѣздъ былъ полонъ русскими... На немъ и ранѣе ѣхали русскіе люди. Потокъ ихъ все разрастался и разрастался...

Всѣ кругомъ говорили о войнѣ.

Лиза должна была вѣрять на слово людямъ, когда всѣ они упорно говорили, что случилась война. И хотя настоящей войны, какою она ее себѣ представляла, Лиза такъ и не видѣла нигдѣ, но ей начинало казаться, что въ самомъ дѣлѣ случилось что-то необыкновенное и страшное въ мірѣ.

Поѣздъ тащился все медленнѣе и медленнѣе мимо неизвѣстныхъ Лизѣ нѣмецкихъ городовъ и селеній. Страшно было подумать, сколько уже верстъ проѣхала Лиза по нѣмецкой землѣ, все дальше и дальше отъ Ковалишекъ, а между тѣмъ ихъ все еще куда-то везли. Неужели ихъ въ самомъ дѣлѣ привезутъ въ самую глубь нѣмечины и заставятъ работать на нѣмцевъ? Работы Лиза нисколько не боялась, но ее огорчало до слезъ, что она такъ и не увидитъ Наума и отца.

Въ вагонѣ, куда попала Лиза, было столько набито людей, что даже шевелиться было трудно. Люди сначала стояли на ногахъ, но потомъ изнемогли и повалились на полъ, кто какъ стоятъ. Лежали въ страшной тѣсотѣ, почти другъ на другѣ, поджимая ноги, чтобы дать другъ другу мѣсто. Дѣвочка, потерявшая мать (ее звали тоже Лизой), плакала до тѣхъ поръ, пока у нея оставались слезы, а потомъ заснула, прижавшись къ большой Лизѣ. Въ вагонѣ на каждой площадкѣ стояли нѣмецкіе солдаты съ ружьями и грозились стрѣлять въ каждаго, кто осмѣлится выглянуть въ окно. Иногда пьяные солдаты пролѣзали въ тѣсотѣ черезъ вагонъ и наступали на лежащихъ людей, посмѣиваясь надъ ними. Какой-то очень важный русскій господинъ, ѣхавшій

здѣсь въ вагонѣ въ такой же тѣсотѣ и мукѣ, какъ и остальные пассажиры, сердился на солдатъ и что-то кричалъ имъ по-нѣмецки. На одной станціи, гдѣ въ окнахъ мелькало очень много голубоватыхъ электрическихъ фонарей, и гдѣ поѣздъ стоялъ очень долго, въ вагонъ пришли нѣмецкіе офицеры и приказали солдатамъ взять важнаго русскаго господина и вывести его на станцію. Потомъ уже никто изъ русскихъ путниковъ не видалъ его: господинъ такъ и на вернулся въ поѣздъ. И люди со страхомъ шептали, что нѣмцы убили его.

Ни нигъ ни ѣсть попрежнему не давали. Только два-три раза къ окнамъ вагона пробирались нѣмецкія ребятишки и тайкомъ приносили воду и хлѣбъ. Русскіе съ радостью платили, какъ за мѣтила Лиза, большія деньги ребятишкамъ. Лиза потомъ съ ужасомъ видѣла, какъ на платформѣ нѣмецкій офицеръ поймалъ мальчишку, вырвалъ у него изъ рукъ кувшинъ съ водой и разлилъ воду; вырвалъ и кошелекъ съ деньгами, а самого мальчишку прибилъ по щекамъ и швырнулъ, какъ щепку, съ платформы внизъ подъ вагоны.

— Не смѣй давать ничего русскимъ свиньямъ!—кричалъ онъ, какъ бѣшеный.

Поздно ночью на другой большой станціи въ вагонъ вломились нѣмцы и стали грубо гнать всѣхъ пассажировъ вонъ.

Лиза рѣшила, что дальше уже не поѣдутъ, и, несмотря на неизвѣстное и страшное будущее, ей стало легче при мысли, что кончатся дорожныя тяготы. Русскіе вышли изъ вагоновъ, и только тутъ Лиза увидѣла, какъ много ихъ было въ поѣздѣ, и какъ разнообразны были всѣ эти русскіе плѣнники. Можно было бы составить изъ всѣхъ этихъ людей цѣлый городъ въ родѣ Ковалишекъ или Янова.

Нѣмцы выстроили всѣхъ на платформѣ. Загрохотали тяжелыми сапогами по платформѣ солдаты, окружили плѣнниковъ и скомандовали итти.

И вся громадная толпа тронулась куда-то по темнымъ

улицамъ неизвѣтнаго Лизѣ города. Тѣма, прорѣзанная огнями фонарей, словно втягивала въ себя русскихъ людей, и Богъ знаетъ, что ждало ихъ тамъ, въ этой тѣмѣ, гдѣ кончались вереницы зеленоватыхъ огней...

Солдаты подгоняли толпу, заставляли итти какъ можно скорѣе, почти бѣгомъ. Лиза еле бѣжала, чувствуя, что вотъ-вотъ упадетъ. Рядомъ съ нею торопливо шагала Тарасевичъ съ маленькой Лизой на рукахъ (мать у нея такъ и не нашлась); Лиза взволнованно спрашивала Тарасевича, куда прѣѣхали, и близко ли Россія, и что теперь съ ними будетъ. Но тотъ, запыхавшись отъ быстрой ходьбы, только отдувался и сердито говорилъ:

— Ничего я не знаю! Убей меня Богъ, ничего не знаю! Люди говорятъ, будто насъ будутъ стрѣлять, какъ куропатокъ. Да я не вѣрю. Брешутъ! Смѣются проклятые нѣмцы. За что насъ стрѣлять?

— А какой здѣсь городъ?

— А Богъ его знаетъ. Много городовъ на проклятой нѣмечинѣ!

Долго, бесконечно долго бѣжали русскіе по улицамъ, подгоняемые солдатами. Точно какой-то темный потокъ струился во тѣмѣ улицъ. И потокъ этотъ ропталъ и шумѣлъ и гремѣлъ своими стонами, жалобами и проклятиями... Люди стонали, задыхались отъ скорой ходьбы. Какой-то старикъ упалъ—солдаты стали его бить. Онъ поднялся и опять повалился безсильно на землю... Его куда-то оттащили въ сторону, и Лиза больше не видала его.

Наконецъ живой, стонущій, избиваемый потокъ людей остановился. Щелкнулъ запоръ у воротъ, завизжали желѣзные затворы и цѣпи, и плѣнники стали втягиваться другъ за другомъ въ узкія подлукруглыя ворота подъ домомъ.

Въ разоренной Польшѣ. На могилѣ товарища.

Австрійський зарядний ящикъ, разбитый бризантнымъ снарядомъ.

Австрійскія орудія, взятыя послѣ боя у м. Городка.

Осмотръ проволочнаго мостика передъ прохожденіемъ войскъ.

Переходъ черезъ рѣку по проволочному мосту.

Наши саперы строятъ мостъ черезъ ручей, послѣ того какъ австрійцы взорвали плотину.

Смотръ войскамъ дивизіи на походѣ.

Господская усадьба, разграбленная мѣстными жителями-венгерцами (обычная картина въ Галиціи).

На Галиційскомъ фронтѣ.

— Куда это насъ привели?— говорили кругомъ.— Что это такое? Видъ это тюрьма!

Да, это была тюрьма. Настоящая тюрьма—угрюмая, холодная, какъ громадный каменный ящикъ, съ маленькими рѣшетчатыми окнами. Внутри были длинные, промозглые, темные коридоры, гдѣ еле горѣли тусклые огни, словно подернутые темнымъ налетомъ. Звенѣли желѣзные рѣшетчатые двери, пересѣкавшія коридоры, гулко гремѣли шаги тюремной стражи. Откуда-то сверху по узкимъ и тонкимъ, какъ паутинки, желѣзнымъ лѣстницамъ сбѣгали внизъ сторожа со связками ключей.

Русскихъ привели въ грязную и пыльную контору и тамъ разсортировали: мужчинъ отдѣлили отъ женщинъ и развели всѣхъ по разнымъ камерамъ.

Лиза очутилась въ маленькой кельѣ съ окномъ у самаго потолка. Въ кельѣ были голыя стѣны, выкрашенные въ грязно-желтую краску, привинченная къ стѣнѣ узенькая желѣзная койка, табуретъ и столъ, изрѣзанный ножомъ, словно школьная парта. Келья была назначена для одного человѣка, но нѣмцы посадили сюда вмѣстѣ съ Лизой еще двухъ женщинъ—незнакомыхъ Лизѣ евреекъ, даже не говорившихъ по-русски, съ грудными дѣтьми. Койку не отвинтили отъ стѣны для спанья, но бросили на всѣхъ трехъ женщинъ небольшой снопъ соломы. Поставили кувшинъ съ водой, чему Лиза обрадовалась всего больше. Вообще ей не показалось здѣсь черезчуръ плохо: она была рада протянуть усталыя ноги и не стѣнялась тѣмъ, что приходится лежать прямо на полу, на пыльной соломѣ, бокъ-о-бокъ съ неизвѣстными женщинами. Дѣти все время плакали и плакали, но и это не безпокоило дѣвушку. Ее тревожило лишь то, что съ нею будетъ дальше, и когда же наконецъ она попадетъ къ себѣ на хуторъ. А еще больше она безпокоилась о Наумѣ и объ отцѣ. Что дѣлается сейчасъ у нихъ? Въроятно, они горюютъ о ней и не могутъ взять въ толкъ, куда она дѣвалась. А если имъ и скажутъ, что ее забрали нѣмцы, то печаль у нихъ ничуть не уменьшится... Это волновало и тревожило Лизу, и она нѣсколько разъ принималась горько плакать, пока не уснула отъ усталости и слезъ...

Все дальнѣйшее она потомъ припоминала, какъ въ туманѣ.

Ей все было непонятно. Зачѣмъ ихъ везли куда-то въ невѣдомыя мѣста, вмѣсто того, чтобы отпавить въ Россію? Зачѣмъ мучили, подвергая тѣсногѣ, духогѣ, голоду и жаждѣ? Зачѣмъ насмѣхались, зачѣмъ били и грозились каждую минуту убить, такъ что многіе замирали отъ ужаса и долго не могли прийти въ себя? Зачѣмъ ее посадили въ тюрьму, словно преступницу, хотя Лиза не совершала никакого, даже самаго маленькаго, преступленія, какъ не совершили преступленія и дѣти, тоже ввергнутыя въ тюрьму? И никто изъ окружающихъ не могъ толкомъ объяснить ей этого, и всѣ твердили только одно:

— Война!

Лизѣ говорили, что гдѣ-то тамъ, вдали, нѣмцы дрались съ русскими. Люди перестали походить другъ на друга, какъ цвѣты и трава, растущіе на смежныхъ дворахъ. Люди сдѣлались какими-то особенными, чуждыми другъ другу и озлобленными. И сюда, въ

сторону отъ сраженій, доносились раскаты этой злобы, и ни въ чемъ неповинные, не сражающіеся, не враждующіе люди, мирные жители, крохоткія дѣти и слабыя женщины были ненавидимы и терзаемы, какъ злѣйшіе преступники и враги рода человѣческаго. И когда Лиза начинала думать обо всемъ этомъ, то ея думы свивались въ какой-то спутанный клубокъ, концы котораго терялись въ безысходномъ мракѣ. Ей становилось страшно, и она ничего другого не могла придумать, какъ только плакать и плакать безъ конца... Плакать о страшномъ будущемъ, плакать о братѣ, о родномъ хуторѣ, плакать о томъ, что ея голова не вмѣщается страшныхъ мыслей, и ничего нельзя понять, что творится на бѣломъ свѣтѣ...

Словно сонъ Лиза припоминала, какъ на другой день поутру въ камеру пришли тюремники и стали всѣхъ обыскивать. Вѣдѣли раздѣться до-нага, и когда Лиза, до слезъ смущенная отъ стыда и негодованія, стала упрямиться, толстый, опившійся пивомъ, тюремный солдатъ грубо схватилъ ее за платье и сталъ силой разстегивать кофточку. Не помня себя, со слезами претерпѣла Лиза это испытаніе, а тюремники смѣялись надъ нею. Къ счастью, Лизѣ удалось спрятать въ складкахъ платья завѣтную коробочку съ лѣкарствомъ для Наума. Нѣмцы не замѣтили коробочки...

Лиза припоминала дальше, какъ всѣхъ русскихъ опять вывели наружу, на широкой мощеный дворъ, и выстроили въ ряды, какъ солдатъ. Пришелъ офицеръ, затянутый, какъ барышня, со стеклышкомъ въ глазу, презрительно оглядѣлъ всѣхъ русскихъ и что-то сказалъ—такое страшное, что всѣ остолбенѣли, а потомъ стали кричать и плакать. Лизѣ объяснили, что нѣмецъ хочетъ приказать стрѣлять въ нихъ, и что имъ дается четверть часа, чтобы собраться съ мыслями и помолиться Богу.

Долго-долго стояли они на каменномъ дворѣ, подъ жгучимъ солнцемъ, не смѣя пошевелиться. Лиза уже прощалась съ жизнью и все думала объ отцѣ и братѣ, какъ они будутъ сокрушаться и плакать, когда имъ скажутъ, что ее убили ни за что ни про что нѣмцы... Сама она уже не плакала: у нея почему-то не было слезъ. Какая-то дама не вытерпѣла смертной тоски и упала безъ чувствъ. Потомъ упала другая... Онѣ такъ и лежали на землѣ, какъ мертвыя, и никто не смѣлъ подойти къ нимъ на помощь. А солдаты въ сторонкѣ смѣялись...

Спустя долгое время опять явился офицеръ. Лиза была увѣрена, что сію минуту начнется казнь. Но офицеръ всталъ посреди двора, поглядѣлъ въ стеклышко и, усмѣхнувшись, словно онъ увидѣлъ Богъ знаетъ какую забавную картину, закричалъ на плохомъ русскомъ языкѣ:

— Нашъ милостивый императоръ даетъ вамъ жить! Кричите въ его честь „Носч!“

Русскіе молчали. Прошла минута—другая. Офицеръ не выдержалъ и самъ крикнулъ „Носч!“ За нимъ закричали солдаты.

Офицеръ постоялъ съ улыбающимся нахальнымъ, вылощеннымъ и румянымъ, какъ у куклы, лицомъ, повернулся и велѣлъ вести плѣнниковъ обратно въ тюрьму.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Мать.

Въ субботу, каждый разъ, когда звонять къ вечернѣ,
Она идетъ туда, гдѣ въ сумеркахъ поникъ
На мраморномъ крестѣ въ вѣнкѣ изъ ягучихъ терній—
Знакомый сердцу съ дѣтства—нѣжно-блѣдный ликъ...
Она идетъ въ соборъ. Струится ладанъ синий...
Какъ вздохъ заката, мнѣ ей гимнъ съ высокихъ хоръ...
Она сама—закать... Убралъ прическу нней.
И тусклъ, какъ искра льдинъ, ея печальный взоръ...
На матовый асфальтъ, на голыя ступени,
На паперть у креста склониться дремно ницъ
Влекутъ ее привычно дряхлыя колѣни...
И слезы—жемчугъ росъ на бархатѣ рѣсницъ...
Въ ея глазахъ теперь враждуетъ миръ съ тревогой.
«Благославенъ, Господь!..»—звенитъ прощальный зовъ...
Она идетъ домой безрадостной дорогой,
Твердя молитвенный порядокъ скорбныхъ словъ.
Въ покинутой квартирѣ жизнь ея—пустыня...
Изъ сердца упорхнулъ навѣки свѣтлый сонъ...
И неотступно золь тревожныхъ мыслей звонъ...
Вернетъ ли ей судьба единственнаго сына...

Сестра.

Мерцанья черныхъ глазъ—тресвожны въ нѣжной рамѣ
Ея взволнованныхъ прическою волосъ...
И это потому, что долгими ночами
Пытаетъ ихъ красу жестокой приступъ слезъ...
Она пришла къ больнымъ изъ стильныхъ комнатъ барства,
Гдѣ властвовалъ уютъ, визиты, долгій винтъ...
И запахъ свѣжихъ розъ смѣнили ей лѣкарства...
И ворохъ яркихъ лентъ смѣнилъ ей—скромный бинтъ...
Женихъ ея въ огнѣ передовыхъ позицій,
Гдѣ пламенемъ объять широкой небосклонъ...
Она пришла не дать накалу или птнѣ
Жестоко осквернить его героической сонъ...
Уже четвертый день, какъ нѣтъ о немъ извѣстій...
Быть-можетъ, онъ въ плѣну... Быть-можетъ, заболѣлъ...
А можетъ-быть... забылъ... о преданной невѣстѣ...
Или... похороненъ подъ тучей мертвыхъ тѣлъ...
Свѣтасть. «Красный Крестъ! Вотъ—эхо каждой битвы!»—
Слетаетъ у сестры печально съ тонкихъ губъ.
Она спѣшитъ на зовъ, полна нѣмой молитвы,
И по пути, въ слезахъ, плѣдуетъ новый трупъ...
Павель Орѣшниковъ.

Ночь императора.

Рассказ Ю. В. Татищева.

Старый императоръ не спитъ. Въ сущности, онъ давно отвыкъ отъ сна. Уже лѣтъ двадцать, какъ онъ отдаетъ ему не болѣе четырехъ-пяти часовъ своей ночи. Это естественно,—старость. Въ этомъ можно усмотрѣть даже мудрость природы: когда голова бѣлѣетъ, какъ снѣга Штейнаха, шея начинаетъ трястись, а кожа на холодбующихъ ногахъ шуришитъ, какъ старый пергаментъ,—нельзя на сонъ тратить много времени.

Ночь мучительно безконечна. Неприятно полна непроницаемымъ мракомъ обширная комната. Онъ дышитъ, этотъ мракъ. Дышитъ

еще неприятнѣе: нестерпимыя тѣни сгустятся въ углахъ, въ складкахъ драпировокъ, за мебелью: онѣ начнутъ принимать знакомыя очертанія давно забытыхъ, заглушенныхъ въ совѣсти образовъ. Нѣтъ, не надо свѣта.

Затекли старыя ноги. Какъ ни положишь ихъ — все неудобно. Если встать, походить и потомъ быстро лечь, онѣ сразу примутъ надлежащее положеніе. Рука поднимается кверху и привычнымъ движеніемъ нащупываетъ шнуръ отъ оконной занавѣсы. Тяжелая матерія раздвигается съ сухимъ шелестомъ, открывая стекла

Въ штыки. Рисунки И. Владимірова.

ровно, глубоко, тяжело. Точно въ складкахъ дверной занавѣси спрятался кто-то и слѣдитъ зоркими, видящими въ темнотѣ, глазами за старымъ императоромъ, но съ трудомъ сдерживаемое громкое дыханіе выдаетъ его. Конечно, это только разстроенные нервы. Никто не можетъ пробраться сюда. Рядомъ съ уборной спитъ старый, преданный оберъ-камардинеръ (вотъ уже второй мѣсяцъ, какъ онъ помѣщается на ночь тамъ), черезъ коридоръ въ аррьеръ-залъ—парные часовые.

Бокъ усталъ, надо вернуться на другой. Глухо прощуривало одѣяло, слабо зазвенѣла пружина въ матрацѣ, кто-то задышалъ скорѣе и прерывистѣе. Не зажечь ли свѣтъ? Нѣтъ, при немъ

окна. Лунный свѣтъ, видимо, только и ждалъ этого. Сразу цѣлымъ потокомъ влился онъ въ комнату, отпечаталъ на полу переилетъ рамы, выхватилъ изъ темноты золоченую лапу грифа, поддерживающую сидѣнье кресла. Кто-то пересталъ дышать, стало легче.

Императоръ спустилъ изсохшія ноги съ лиловыми жилами и восковыми желтыми ногтями и медленно, устало, шаркая туфлями, подошелъ къ окну. Широкая, устланная ровными каменными плитами, площадь внутренняго двора пуста и отъ этого кажется еще обширнѣе. Залитая луннымъ свѣтомъ гауптвахта точно нарисована на фонѣ сѣрой стѣны: выпукло чеканится ея пестрый барьеръ, звѣздочкой свѣтится какая-то точка на колокольѣ. Вдоль

Чугунная доска съ австрийскимъ гербомъ, находившаяся на пограничномъ столбѣ и сорванная нашими войсками при вступлении въ Галицію. Эта реликвія было австрийскаго владычества въ Прикарпатской Руси доставлена въ Петроградъ, гдѣ будетъ помѣщена въ одной изъ военныхъ музеевъ.

жествующаго врага“, — подсказываетъ ему всезнающій отъ долгаго опыта умъ. Конечно, бѣгутъ, что бы ему ни твердили. Галиція уже затоплена русскими войсками. Они спускаются съ Карпатъ и неудержимо идутъ къ Будапешту; скоро дойдетъ очередь и до Вѣны. Придется оставить этотъ дворецъ и прятаться въ Тирольскихъ горахъ...

Что это? Опять! Рѣзкимъ холодомъ охватило вдругъ ослабшія, подогнувшіяся ноги, во всемъ тѣлѣ явилась противная разслабляющая пустота, и опять, опять зажгло въ усталомъ мозгу все то же, отъ котораго некуда дѣваться, слово: — расплата.

Въ постель, скорѣе въ постель, какъ она ни опротивѣла!.. Расплата, — и не надо спрашивать, за что. Развѣ вся его долгая, залитая кровью родныхъ и подданныхъ, жизнь не служила отвѣтомъ на этотъ проклятый вопросъ? Скорѣе задернуть занавѣсъ; не надо этого свѣта. Онъ заглядываетъ въ душу, а въ ней слишкомъ много мрачныхъ тайниковъ, куда нельзя пропустить ни одного луча. О, слишкомъ много, и что только не погребено на днѣ ихъ!

Но если комната снова погрузилась въ глухой мракъ, то нестерпимо яркимъ свѣтомъ вспыхнули воспоминанія, и одинъ за другимъ, сначала медленно, затѣмъ быстрѣе и наконецъ вихремъ понеслись образы прошлаго. Такъ недавно и такъ трагически погибшій его наслѣдникъ, бѣдная, кроткая, замкнувшаяся въ свою безысходную печаль, жена, которую такъ боготворилъ народъ, и отъ которой онъ равнодушно отвернулся съ самаго начала ихъ супружеской жизни; залитый кровью трупъ его единственнаго сына, вся эта кошмарная цѣпь насильственныхъ смертей, обвившаяся вокругъ его трона. Проплываютъ мимо мучительные образы, но на смѣну имъ появляются другіе: тысячи разстрѣлянныхъ въ припадкѣ злобной мстительности венгерцевъ, толпы замученныхъ въ тюрьмахъ и казематахъ наполняютъ императорскую опочивальню: они выходятъ изъ угловъ, выглядываютъ изъ складокъ занавѣсовъ и полога кровати: они киваютъ окровавленными головами, протягиваютъ къ императору блѣдно-восковыя руки...

Если разсудокъ не окончательно затемненъ ужасомъ, то съ этимъ все же еще можно справиться. Нужно напрячь послѣдніе остатки воли, нужно вспомнить о государственной необходимости и объ интересахъ династїи — и рой призраковъ разсѣется, какъ утренній туманъ, и исчезнетъ. Но есть одинъ образъ, отъ котораго нельзя этимъ отдѣлаться, и котораго ничто въ мірѣ не можетъ изгнать изъ памяти. Кажется, когда императоръ будетъ лежать въ гробу, въ оцѣпенѣвшемъ мозгу сохранится его отпечатокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ разразилась эта проклятая война, онъ неотступно преслѣдуетъ стараго императора.

барьера ходить часовой, и какъ ходить... Здесь не слышно, но кажется, что слышно, какъ четко въ безмолвномъ воздухѣ звучитъ по плитамъ: разъ, разъ, разъ... И вѣдь онъ знаетъ, что на него никто не смотритъ, но точно подъ тысячу строгихъ глазъ этотъ механический солдатъ ни на югу не отступаетъ отъ устава. Какова выдержка! Въ чьихъ войскахъ есть что-либо подобное! И это не гвардеецъ, — тѣ уже далеко.

Далекое... Что съ ними теперь? „Они дерутся съ русскими“, — увѣряетъ его военный министр: „они бѣгутъ отъ грознаго, тор-

Неотразимый, какъ судьба, неизбѣжный, какъ смерть, и какъ она же, безпощадный, встаетъ передъ нимъ давно лежащій въ могилѣ Русскій Императоръ... Изъ-подъ мраморнаго высокаго лба, переходящаго въ лысину и съ боковъ обрамленнаго темнорусыми волосами, въ упоръ глядятъ немигающіе свѣтло-голубые глаза: въ складкѣ некрупныхъ, чуть прикрытыхъ небольшими усами, характерно очерченныхъ губъ залегло выраженіе горькаго презрѣнія; высокій жесткій воротникъ давно забытой формы генеральскаго мундира, поднимая голову, подчеркиваетъ это выраженіе. Таковъ онъ былъ шестьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда въ Варшавѣ въ Лазенковскомъ дворцѣ старый императоръ, тогда восемнадцатилѣтній юноша, съ трепетомъ вручалъ въ его руки судьбы своего государства и своей династїи. Онъ видитъ, — и остатки сѣдыхъ волосъ на головѣ поднимаются отъ холоднаго ужаса, — какъ медленно начинаютъ шевелиться и раскрываются эти губы. Онъ слышитъ, какъ забываемый голосъ тихо говоритъ, но каждое слово бьетъ тяжелымъ молотомъ: „ты помнишь, Францъ?“ И скорчившійся подъ отбѣломъ изсохшій старикъ не можетъ, не смѣетъ не пролепетать помертвѣлыми губами: „помню“.

О, да! Онъ слишкомъ хорошо помнитъ, точно это было вчера, какъ онъ умолялъ о помощи вотъ этого самаго Русскаго Царя. Онъ помнитъ, какъ клялся въ томъ, что его признательность будетъ вѣчна, и что въ нужный часъ онъ докажетъ ее не словомъ, а дѣломъ: какія полныя искренности и огня находилъ онъ выраженія, чтобы убѣдить Императора! Онъ помнитъ эту большую, съ длинными бѣлыми пальцами, руку, которая во время его рѣчи разсѣянно трогала то вторую, то третью пуговицу на дѣтаго на Царѣ мундира. Помнитъ онъ и то, какимъ открытымъ жестомъ протянулась къ нему эта рука, сопровождаемая дружескимъ взглядомъ этихъ стальныхъ глазъ.

Невыносимо яркимъ свѣтомъ зажигается въ памяти картина другого свиданія съ Русскимъ Царемъ. Австрія спасена, возвращенная ей русскими войсками Венгрія покорно ждетъ своей участи; онъ ѣдетъ благодарить Русскаго Государя, которому онъ всецѣло этимъ обязанъ. Старый императоръ и сейчасъ не можетъ отдать себѣ отчета въ томъ, какъ и почему онъ не ограничился при этомъ свиданїи одними словами признательности. Можетъ-быть, слишкомъ фальшивымъ звукомъ вырвались изъ его неблагодарной груди эти слова, и нужно было заглядеть произведенное ими впечатлѣніе, но невольно склонилась гибкая шея, и безотчетно прижалъ онъ губы къ спасшей его рукѣ. О, какъ онъ помнитъ этотъ жестъ — какъ ему показалось — изумленія и безразличности, съ которымъ рѣзко дернулась назадъ эта гордая рука. Можетъ-быть, на одно короткое мгновение доврѣчивый русскій богатырь почувствовалъ, что это — пощадъ луды.

Вспоминай же до конца! Воскреси въ памяти и самую черную страницу, которую ты безтрепетно внесъ въ твою будущую биографію. Черезъ пять быстро промелькнувшихъ лѣтъ ты снова въ той же Варшавѣ и снова бесѣдуешь съ Русскимъ Царемъ. Императоръ Николай таковъ же, какъ и прежде: такъ же властно звучитъ его голосъ, такъ же гордо поднята голова, и развѣ только гдѣ-то въ глубинѣ глазъ, въ складкѣ между бровей затаилась тщательно скрываемая тревога. Но ты уже не тотъ. Еще старательно скрываешь ты охватывающую тебя при мысли о трудномъ положенїи твоего благодѣтеля радость, но она уже свѣтится и прыгаетъ въ лицемѣрно бѣгающихъ глазахъ. Только теперь прочтѣ въ нихъ правду Императоръ Николай. Только теперь съ безпощадной ясностью уразумѣлъ онъ, что шпага, которую ты выронилъ, и которую онъ самъ вложилъ въ твои трусливыя руки, направлена ему въ спину. „Ты помнишь, Францъ?“ — „О, помню, помню!.. Пощадъ!“

Но пощадъ нѣтъ и не можетъ быть. Мыслимо ли уйти отъ самого себя! И тотъ же забываемый голосъ, котораго ничто въ мірѣ заглушить не можетъ, продолжаетъ звучать въ его ушахъ. Не первое и не послѣднее было это твое преступленіе. О, ты не думалъ о возмездїи, и когда съ годами мысль о немъ начинала робко прокрадываться въ твое сознаніе, ты отгонялъ ее, какъ докучливую муху. Ты мечталъ такъ же обмануть Бога, какъ обманывалъ людей, но въ концѣ концовъ обманулъ только самого себя. Видишь ли ты это теперь, одинокій, ничего, кромѣ отвращенія, не возбуждающій старикъ? Расплата неотвратима, и ея часъ насталъ, послѣдній Габсбургъ-императора!

Въ скоро ожидающую тебя могилу ты сойдешь, ознаменовавъ твой долгій земной путь вѣроломствомъ, клятвopеступленіемъ, морями невинной, бесполезно пролитой крови.

Въ глубокомъ обморокѣ поперекъ смятой кровати лежалъ старый императоръ, когда утромъ, встревоженный слишкомъ долгой тишиной въ опочивальнѣ, осмѣлился войти въ нее оберъ-камердинеръ. Усилия созванныхъ лейбъ-медиковъ увѣчались успѣхомъ, но доклады канцлера и министровъ не могли состояться въ этотъ день. Вечернія газеты оповѣстили объ этомъ вѣроподанныхъ вѣнцевъ, добавляя, что послѣ легкаго недомоганія состояніе здоровья престарѣлаго монарха не оставляетъ желать лучшаго.

